

Код легитимности

Эн Мосс

18+

Эн Мосс

Код легитимности

<https://litres.ru/74300863>

SelfPub; 2026

Аннотация

После непостижимого "Квантового Шёпота" мир изменился: магия стала реальностью, а те, в ком она стала пробуждаться — угрозой. Из гонимой "иной" Алиса, пережив трагедию и прокляв возлюбленного, становится сначала учёным, потом "претендентом", и в итоге принимает свою магию и судьбу. История ведёт Алису через запутанный лабиринт предательства, жертв и вынужденного, но преобразующего союза с загадочным Кассианом Каном, который видит в ней ключ к новой астрологической эре.

Что делает власть законной — кровь, пророчество, воля звёзд или признание людей? Это роман-трилогия на стыке научной фантастики, фэнтези и антиутопии, где астрология является мета-героем и закулисным архитектором всей истории, и где судьба главной героини показана как путь трансформации в поисках ответа на вопрос, откуда берётся право править и какую цену приходится платить за Силу.

Содержание

Часть 1	6
ДЕВА. ВРЕМЯ ОВНА	6
Пролог	7
1	10
2	14
3	17
4	21
5	26
6	31
7	35
8	40
9	43
10	47
11	52
12	58
13	63
14	65
15	70
16	73
17	77
18	82
19	88
20	93

Эн Мосс

Код легитимности

© Эн Мосс, 2026

ISBN 978-5-0070-2592-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приветствую тебя, читатель, готовый заглянуть за горизонт.

Эта книга была написана в дороге, где дорога — это Путь познания как единственный способ быть собой и видеть другие ветки реальности.

Книжные миры строятся по законам, которые выводит писатель. Но эта книга создана по иным законам: в ней астрология, философия и архитектура сюжета стали инструментами творчества, чтобы рассказать о космическом порядке, цикличности Истории и предназначении. За каждой сценой стоит структура, за каждым героем — система убеждений. Именно поэтому «Код легитимности» это не фэнтези и не фантастика, а жанровый гибрид, где научная строгость соседствует с мифом, а антиутопия — с интуитивным знанием о том, что Вселенная говорит с нами на языке звезд, и что Судьба существует.

Часть 1

ДЕВА. ВРЕМЯ ОВНА **(Годы действия: 2049—2054)**

Пролог

Всё началось ещё в юности, Алиса чётко запомнила этот момент. Ей тогда было четырнадцать лет... Или уже исполнилось пятнадцать? В общем, это был август 2040-го, летний вечер на побережье, уже было прохладно, но всё ещё ярко, солнечно и как-то празднично. Или это память так подсвечивает тот эпизод Алисиной жизни? Он отпечатался как редкий и уникальный кадр бесконечной ленты невесёлых событий. И она помнила это так ярко и полно, будто случилось это вчера. А случилось то, что она видела Сияние. Именно так она потом для себя это объяснила — «я видела Сияние». Солнечные лучи преломлялись на фоне бликующей воды, и идущий на встречу человек был вроде как и не человек, а сияющий сгусток света, и весь он переливался и текуче искрил в своём движении навстречу.

Юная Алиса тогда вглядывалась с изумлением в это чудесное свечение, и даже зажмуривалась несколько раз и снова распахивала свои серые и не по-детски серьёзные глаза, поворачивала и наклоняла голову, чтобы вызволить из плена сияния идущего на встречу человека и разглядеть, кто же это на самом деле.

«Оптическая иллюзия» — так уже много позже, после того как реальность полностью перекроилась после Шёпота, она определила для себя, вспоминая не раз этот эпизод.

Но от зажиманий и покачивания головой и даже от отклонений всем телом от оси прямого взгляда ничего не менялось, и всё так же шёл навстречу сотканный из искрящихся сполохов силуэт. Алиса чётко помнила, как, наконец, остановилась и просто стояла и ждала его приближения, готовая уже ко всему чудесному и невероятному, и даже оглядывалась по сторонам в поисках реакций прохожих на это Сияние. Но все шли по своим делам, море дышало свежестью, слышались голоса детей и лай какой-то собаки, а больше ничего не происходило. Переливающийся силуэт приближался.

И вдруг за секунду до встречи мир как будто замер и слегка поблёл, отодвинулись на задний план все звуки, воздух словно уплотнился и дрогнул, Алисе почудился шелест и взмах гигантских крыльев, и Время остановилось... Удар сердца, второй, третий... Потом она моргнула, стоп-кадр снова ожил, солнце ударило по глазам — и к ней, подойдя, наклонился какой-то мужчина:

— Эй, ты чего? Девочка, ты слышишь меня? Всё в порядке?

Алиса молча смотрела на него и чувствовала облегчение вперемешку с сожалением и каким-то тоскливым испугом... Да, потом уже взрослая Алиса часто пыталась снова вспомнить то странное и не по-детски сложное чувство — тоска от неслучившегося, испуг внезапности и облегчение от понимания, что всё «нормально»...

А незнакомец выпрямился и молча постоял рядом, вглядываясь в её лицо, Алиса ещё отметила, какие у него яркие зелёные глаза, и ещё родинку на переносице. Потом он как-то неловко похлопал её по плечу и пошёл дальше своей дорогой, уже как обычный ничем не приметный прохожий, а искры и сияние разлились в солнечной дорожке, что пролегла от Алисы по воде далеко к горизонту и растворялась где-то высоко в небе, вливаясь в солнечный диск.

Да, всё началось ещё в юности. В тот летний вечер Алиса впервые почувствовала тихую, щемящую тоску по чему-то, чего никогда не знала, но уже успела потерять.

Прошлое, как та самая солнечная дорожка, давно растворилось в тумане. От того мира, что был до Шёпота, остались лишь обрывки — яркие, как вспышка, и бессильные, как сон. Лиссабонский Кластер стал её новой реальностью, и эта реальность пахла не морем её детства, а дезинфекцией, рыбой и вечным дымком древесного угля.

Алисе было почти двадцать пять, и она научилась заглушать страх и гасить ярость. Иногда она ещё вспыхивала от задевавших её слов, действий, намёков, но постепенно импульсивность её натуры сгладилась, возможно — благодаря её работе в клинике. Там она становилась ровнее и мягче. Она жила как все, была как все, и даже почти забыла ужас погромов, но иногда прорывалась память о Сиянии. Здесь, на краю старой Европы, где цивилизация старалась не вспоминать, как всё рухнуло в один миг, и цеплялась за склоны холмов, собирая уцелевшее в тесные кварталы белёных домиков, в зелёные купола низких метантенков, вырабатывающих биогаз, в восстанавливаемые бережно мельницы, — здесь Алиса повзрослела.

Она работала медсестрой в муниципальной клинике — длинном, полутёмном здании, где пахло страхом и человеческой болью. Эта работа была её щитом. Под её руками раны подопечных затягивались чуть быстрее, а боль утихала, пе-

реходя в смутное онемение. В больнице она не только усмирила свою вспыльчивость. Она научилась чувствовать и дозировать свой дар, отслеживая потепление в руках и ощущение колких мурашек в них, превратив его в чуткое и плотное горение. «Добрые руки» — говорили о ней в клинике. Директор клиники, старый уже коренной лиссабонец, ставил её к самым тяжёлым пациентам — выживаемость в Алисины смены была удивительно выше средней. Ей бы стоило быть чуть осторожней. Иногда она ловила в глазах пациентов или коллег то самое подозрительное любопытство, которое когда-то заставило её семью бежать с Кипра.

По вечерам в таверне, которую держала её тётка совместно со своими сыновьями, её настигал другой шёпот. Не тот, что сломал планету, а тихий, человеческий, ползущий над столами среди таких же, как она, переселенцев. «Мой муж... у него в Лемесосе язвы сами заживали, стоило ему к земле прикоснуться...». «А моя сестра? Она чувствовала, где родник. А здесь — ничего. Сухо. Глухо, будто в склепе». «Это земля, понимаешь? Наша земля зовёт. Там сила. А здесь мы пустотелые». «Ну, попробуй вернись». «Да уж...».

И ещё один, более жуткий шёпот, всегда доносился следом: «Говорят, по всему свету ходят... эти, собиратели. Агенты. Ищут Пробуждённых. Не всех находят живыми».

Тётя Мария иногда просила её побыть пару вечерних часов в таверне, просто даже посидеть на хозяйской половине, за стойкой. В такие дни в таверне было спокойно и даже

расслаблено, никто не дрался. Алиса сидела в старом кресле в углу у кухни, читая книгу, и гул разговоров, временами мрачных, временами воодушевлённых, прерывался иногда взрывом смеха, или пением Лукаса, который пытался подражать фадишта, но какое фаду, если ты грек?

По понедельникам в таверне включали радио. Оно ело совсем немного энергии, поэтому иногда его заводили и по четвергам. Но в понедельник шла трансляция из Софии, и это была Информация! Полезная, зачастую малопонятная, но всегда интересная и вызывающая потом недельные споры в таверне, вплоть до драк. В понедельник окружающий Алису мир будто расширился и сбрасывал с себя мрачный плащ портово-ремесленного Кластера.

Да, расположение на краю континента спасло Лиссабон от самых жестоких пост-Шепотных войн, хоть и не уберегло от мародёров. Лиссабонский Кластер был жив, пусть и не процветал. И хотя он добровольно отказался от сложности, чтобы обрести устойчивость, в нём так не хватало духа новизны, выбора, информации. И Алиса всем нутром ощущала в дни трансляции, что эта вынужденная фрагментарность, ограниченность каждого из стихийных центров выживания, отсутствие понимания, что дальше — это всё временно, и мир когда-нибудь снова будет цельным и безопасным, пусть и по другим правилам. В остальные дни спасала работа.

Иногда ещё Алиса ходила в порт. Хотя порт мало походил теперь на свои изображения в сохранившихся старых журна-

лах, выпущенных до Квантового Шёпота и избежавших растопки в годы смуты. Но кипящая в нём днём и ночью жизнь, неторопливые пароходы и снующие между ними парусники, и даже уцелевший Красный мост были полны смысла и смутных надежд.

Но и порт со временем перестал быть дружелюбным к Алисе. Пару раз ситуации были угрожающими, к ней приставали и даже преследовали — высокая и статная, с тёмно-бронзовыми косами, Алиса не осознавала, какое впечатление производила на окружающих, а уж в порту собирался самый разный люд с самыми разными тайнами, грехами и пороками.

Но сам порт и бурлящая в нём жизнь манили Алису, поэтому она стала выбираться туда только утром, в дни без дежурств, одетая в толстовку и широченные джинсы Лукаса и с широкополой рыбацкой панамой его младшего брата.

Завтра пятница, как раз выходной. Пора наведаться в порт. К тому же у неё особое событие завтра, и припасены монеты для подарка самой себе.

День обещал быть жарким и солёным. В эту пятницу, 12 августа, Алисе исполнилось двадцать пять лет. Праздник решили не устраивать, так как это была «та самая» пятница — вторая пятница каждого месяца, когда Муниципалитет распределял биогаз и уголь по домовладениям. У Алисиной тёти была таверна, поэтому им полагалось чуть больше, чем соседям, что неизменно вызывало перепалки и долгую брань. Но всё равно это было меньше, чем мастерским на другой стороне улицы, поэтому ругань перекидывалась на плотника Архипа Петру и его многочисленное семейство, и на химика-фармацевта, которого все звали Христо. Его настоящую фамилию, Христодулòпулос, наверное, не помнила даже его жена.

В общем, этот день был пятницей ежемесячной ругани. И это было привычно как некий бессмысленный ритуал, потому что через два дня наступал понедельник, и даже самые ярые сторонники «всем поровну» собирались на трансляцию в таверну.

Утром тётя Мария поднялась в комнату Алисы. Села к ней на кровать, погладила по руке. Тётя была необычайно серьёзна и торжественна, и Алиса даже рассмеялась — её тётка могла задать трёпку любому на этой улице, и мало кто видел её «торжественной».

— Девочка моя, вот ты и взрослая, — сказала дрожащим голосом тётя Мария. — Теперь ты можешь самостоятельно покидать Кластер, переезжать, менять имя или фамилию. Можешь выйти замуж и уехать от меня... — она вздохнула и помолчала.

— Тётя, ну ты чего? Я не собираюсь никуда, — Алиса порывисто обняла её.

— Я же вижу. Тебе здесь тесно, Алиса, как соколу в клетке. Вон какая ты красивая. И беспокойная... Я всем сердцем тебя люблю, девочка моя. И прошу тебя, куда бы ты ни решила податься, помни, откуда ты родом, и знай, что у тебя всегда есть я.

Она достала из кармана передника маленькую красную коробочку и протянула Алисе:

— Держи. Это твоей матери. Она передала его мне, чтобы я хранила до твоего совершеннолетия. Бедная моя Элени...

Они обе помолчали. «Мама. Мамочка...» — Алиса судорожно вздохнула. Тётя Мария снова погладила её по руке и встала.

— Ну всё. Давай уже спускайся. Внизу есть пирог и немного вина в честь твоего праздника. Мне пора.

Оставшись одна, Алиса рассматривала коробочку и тихонько гладила её бархатные бока. Потом осторожно открыла.

Внутри уютно лежал и таинственно (Алиса могла поклясться, что именно таинственно!) поблёскивал кулон —

небольшая, стилизованно вытянутая вдоль оси своих крыльев, птичка. Металл, похожий на золото, но чуть ярче. На обороте — темно-серебряной вязью её, Алисина, фамилия. Гераки.

Море гулко перекачивалось далеко внизу. Утреннее солнце заливало комнату, и в его лучах посверкивал и переливался кулон в руке Алисы... В этот миг она словно выпала из реальности и каким-то внутренним знанием ощутила, будто скрипнуло и медленно провернулось Колесо Судьбы.

После, этим же утром в порту, она встретила Нисана.

Воздух дрожал от звона рыбацких снастей, криков торговцев и густого запаха гниющей древесины. Алиса в своей заимствованной мешковатой одежде чувствовала себя невидимкой, её шаги были лёгкими и быстрыми. В ладони, сжатой в кулак, она держала кулон.

В порту, в районе Сантуша, пряталась лавка старьевщика Юсуфа, она-то и была целью. В прошлый раз Алиса наткнулась на неё случайно, и попав внутрь, надолго зависла там, словно между мирами и временем. По товарам, с любовью собранным и продаваемым Юсуфом, можно было отследить все стадии становления его небольшой лавчонки. На самом дальнем от входа столе были разложены по степени «годности» и целостности различные украшения из серебра, и там же Алиса ещё в прошлый раз заприметила тонкую серебряную цепочку необычного плетения. Красивая, прочная, целая. Именно то, что нужно.

Торг был недолгим. Юсуф тихо посмеивался в усы и говорил: «Я знал, что ты вернёшься за ней. Что значит дорого?! Ты посмотри, что за вещь! настоящее серебро, за неё можно не меньше пуда „тёмного металла“ выручить, а то и транзистор целый». Алиса настаивала, сердилась, потом тоже смеялась, и в итоге, довольные друг другом, они сошлись в цене.

Юсуф принял монеты, проверив их дозиметром, и вручил

Алисе цепочку, бережно завернув её в небольшую холстинку и перевязав шнурком. Выйдя из лавки, тут же на ступенях, Алиса вынула из холстинки цепочку, повесила на него кулон и тщательно завернула обратно, крепко завязав. Теперь домой.

День был чудесен! Алиса почти вприпрыжку, как молодая норовистая лошадка, летела по улочкам порта, зажав в руке свой подарок, уворачиваясь от тележек, бочек, рыбаков, торговцев, баулов. И вдруг, уже заворачивая за угол башенки перед воротами в город, налетела на выходящего из-за угла человека. Алиса ахнула и отскочила, но столкновение было такой силы, что холстинка вылетела из её ладони и упала на землю. Она бросилась было к ней, но наглый незнакомец ловко прижал свёрток ногой.

«Да чтоб тебя!» — Алиса отпрянула. Выпрямилась. Это был парень одного с ней роста, чуть старше неё, смуглый и крепкий. Опасный тип, как определила Алиса с ходу. Тёмные, почти чёрные глаза изучающе смотрели на Алису, а грубый тёмно-зелёный ботинок, похожий на армейский, прижимал к земле её сокровище. Они смотрели друг на друга, Алиса — с вызовом, незнакомец — холодным любопытством. Кого-то он ей напомнил... По спине пробежал холодок. «Турок», — пронеслось у неё в голове обрывком детских страхов, выученных в другой жизни. И эхом из детства голос бабушки: «Осторожней, Алики. Они смотрят на наших женщин как на добычу».

«Отдай», — тихо сказала Алиса, — «Это моё». Прозвучало это как-то жалко. Парень молча продолжал на неё смотреть и даже бровью не повёл. Непроницаемые глаза и его молчание наводили на Алису тихую панику. Затем он наклонился и поднял свёрток. Не резкие, но точные движения, длинные крепкие пальцы, странная грация для такой коренастой и плотно сбитой фигуры.

Подкинул на ладони, повертел, всё так же продолжая разглядывать Алису, словно препарируя. Алису стала охватывать противная мелкая дрожь.

— Что-то ценное? — наконец произнёс он тягуче.

— Я... Я заплачу. Верни её, — наконец выдохнула она, и в голосе её прозвучала унижительная для неё самой мольба.

— Хм, настолько ценная? Может, я её куплю? — незнакомец прищурился.

— Она не для продажи, — отрезала Алиса.

— Всё в этом порту для продажи. Или для обмена, — спокойно произнёс он и развернул свёрточек. — Давай посмотрим. Я знаток ценных вещей.

Алиса сжала кулаки. Стучало в висках, и откуда-то изнутри поднималась отчаяние.

— Интересная работа. Старая. И не отсюда, — произнёс парень, поворачивая птичку и внимательно её осматривая. Его голос был мерным, но каждое слово вбивалось в сознание Алисы, как гвоздь.

— Кипр? — приподнял он одну бровь.

У неё перехватило дыхание. Она молчала, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки.

— Чем заплатишь? — нараспев произнёс незнакомец.

Он шагнул к ней. Алиса отпрянула и прижалась спиной к стене.

— Боишься? — усмехнулся он. Алиса вздёрнула подбородок и твёрдо посмотрела в его тёмные пугающие глаза. Она сильная. Она смелая... Руки начали гореть огнём.

Он снова усмехнулся и медленно опустил кулон в карман своей куртки. Движение казалось окончательным, как опускание занавеса.

— Платить нечем. А вещь... слишком ценная, чтобы носить её с собой вот так, в порту, где шастают всякие сомнительные личности, — он окинул её с головы до ног насмешливым взглядом, оценивая её мешковатый наряд. — Меня зовут Нисан. Если эта вещичка действительно так дорога тебе, ты меня найдёшь. Думаю, ты справишься. У тебя... целеустремлённый вид.

Он не стал ждать ответа. Развернулся, шагнул за угол, откуда и появился, и тут же пропал, быстро и бесшумно, как призрак. Ни торопливости, ни оглядки. Просто шагнул из её реальности, унося с собой частицу её прошлого.

Алиса стояла, замерев, спиной ощущая холод камней. Гнев, жгучий и яростный, поднимался из глубины её души.

Он назвал своё имя. Бросил ей вызов. И Алиса, сжимая пустые ладони, уже знала — это не конец. Это только начало.

Вернувшись домой, Алиса заперлась в своей комнатке под самой крышей. Она стояла у окна, глядя на город внизу и на тёмную, беспокойную массу Атлантики. «Вот и двадцать пять, я полноправный гражданин Кластера — и что? Что теперь?» Прошлое было зыбким и ненастоящим, как полузабытый кошмар. Настоящее — такой же зыбкой почвой, готовой в любой момент разверзнуться. А будущее... будущего пока не было. И маминого подарка тоже. Была только эта комната, этот город, эта жизнь, в которой не было места ни радости, ни чуду. Слез не было. Она давно уже не плачет. Никогда не плачет. Мама...

Алиса мрачно смотрела на море. Она найдёт этого наглеца и вытрясет из него своё сокровище, а заодно и его душу, из этого грязного жалкого недоноска.

Почти весь следующий день, до начала сумерек, и ещё утро воскресенья, она провела в порту. Зашла и к Юсуфу. «Нисан? Не слышал это имя». Как же его найти? Мелкий ворюшка. Негодяй.

В понедельник после клиники, где она старательно делала свою работу и даже чуть больше, уставшая Алиса заняла обычное место в кресле у кухни, прихватив книгу. На трансляцию собрались все: и Архип с сыновьями, и Христо с его молчаливой женой, дядя Костас с братьями, да и почти вся

греческая часть верхних кварталов Лиссабона. Переселенцы селились компактно, кучно, они создавали свои небольшие этно-коммуны по всему Кластеру, превращая его в новый Вавилон. Иногда в таверну заходили и местные, и даже переселенцы из других земель, чей бег от войн или погромов остановился в Лиссабонском Кластере. Прознав про трансляции, они становились завсегдатаями таверны наравне с жителями греческого квартала.

Завели транзисторный приёмник, который Лукас, Алисин двоюродный брат, собирал как реликвию из до-Шёпотных деталей. Слегка потрескивая, радиоприёмник транслировал музыку. Стоял привычный гул, посетители тихонько переговаривались, тётя Мария и два её сына разносили кому пива, кому вина, и большие подносы с едой. Ждали голос Софии.

Наконец прозвучала знакомая отбивка. Гул в таверне стих. Диктор и его сегодняшний гость что-то забормотали. Алиса не вслушивалась, размышляя о своих злоключениях. Конечно, она не сказала тёте о пропаже кулона. Свои проблемы надо решать самой.

И тут её слух сконцентрировался на доносящемся из приёмника разговоре:

«Напомним нашим слушателям, что текущая гипотеза описывает Квантовый Шёпот не как излучение, а как прохождение через Солнечную систему потока нефиксируемой тёмной материи, что привело к изменениям в тканых свойствах пространства-времени на субатомном уровне. Это был

сбой, тихий и всеобъемлющий. Представьте, что сама логика мироздания на мгновение забыла свои правила...».

«Сбой?» — спросил второй голос, — «Что-то типа импульса? Всё-таки излучение?»

«Это не излучение, а фундаментальное изменение свойств пространства-времени на квантовом уровне. Он просто произошёл, как землетрясение или ледниковый период. Понимаете? Его нельзя обвинить, с ним нельзя договориться, его нельзя понять...».

Алиса замерла, отложив книгу. Надо всё-таки завести блокнот.

Голос продолжал, сопровождаемый хмыканьем и поддакиванием невидимого собеседника: «...Последующая катастрофически быстрая инверсия магнитного поля была не причиной, а следствием. И только уже потом электромагнитный импульс выжег схемы и уничтожил электронику, так как защитный купол планеты на время исчез, открыв нас солнечному ветру. Первым пал наш рукотворный интеллект, на котором всё работало. Только со временем мы стали понимать — произошло нечто, что невозможно починить, потому что сломался не прибор, а сам принцип, на котором он работал... Центры точного времени, суперкомпьютеры, связь, спутники, энергосистемы с «умным» управлением — всё превратилось в хлам. Мир погрузился в темноту и тишину. Глобальная сеть, эти цифровые нейроны человечества, словно растворилась в ней. И в этой тишине...», — диктор

сделал эффектную паузу, и в эфире стало слышно лишь мерное потрескивание.

«Да? И в этой тишине...», — приглашающе произнёс его собеседник.

«В этой тишине мы впервые слышали отголоски чего-то иного», — медленно проговорил гость, — «Резонанс Шёпота. Некий побочный эффект, разбудивший в нейросетях нашего собственного мозга спящие отделы. Для кого-то — начало „Великого помешательства“. Для единиц, вроде Проснувшихся — пробуждение неизвестных ранее способностей».

Диктор откашлялся и продолжал: «Конечно, за таким всеобщим и ужасающе непонятым крахом последовал хаос, а также череда войн, где каждый обвинял в нападении другую сторону, и миллионы, миллионы жертв... Это всё обратило человечество не просто в панику, а в чистую паранойю...». Звук стал сильнее потрескивать и пропадать. Фразы стали отрывистыми и неполными: «Конечно, их стали преследовать...». Снова треск. Затем «...это реально существующий эффект, и нам ещё только предстоит...». Треск, тишина, затем: «...и из скрытого феномена превращается в новый действующий закон мироздания». Снова треск.

И голоса окончательно оборвались, захлебнувшись мощной волной помех. Брат что-то сердито крикнул и выключил приёмник. На сегодня трансляция закончилась, неожиданно, как и всегда.

Алиса выпрямилась, прижала ладони к пульсирующим вискам. Затем опустила руки и посмотрела на них. Она смотрела на свои руки, которые могли унимать боль и затягивать раны, восстанавливать сломленное, лечить живое. Руки, в которых таился отзвук того самого вселенского сбоя. Это не было благословением, как говорила тётя Мария. Это было напоминанием. Они с миром были жертвами одной и той же катастрофы. И жар в её руках — это квантовая подпись новой данности.

Нисана привезли в клинику через несколько дней со сломанным плечом и огнестрельной раной в боку. Он явно был непростой парень, так как сам Директор клиники отдал распоряжение поместить его на второй этаж в угловую комнату с окном на пару дней. И хотя смертельно опасного или угрожающего жизни в его состоянии не было, Директор клиники попросил Алису «позаботиться» об этом странном пациенте.

Когда Алиса его увидела, ярость и гнев ударили её изнутри. Он же, казалось, совсем не удивился:

— Привет, быстроглазая. Видишь, я сам тебя нашёл. Док сказал, что ты можешь помочь быстрее восстановиться, — невозмутимо произнёс он, слегка прищуриваясь.

Остановившись в дверях и не подходя ближе, сжав зубы, Алиса произнесла:

— Отдай мою вещь.

— А что я за это получу? — Нисан даже в этой изломанной позе, полулёжа и в бинтах, казался крепким и опасным.

— Отдай. Прошу тебя. Она... она мамина.

— Мамина? — протянул Нисан без выражения, просто переспросил, как будто не расслышал.

Ярость ударила Алисе изнутри в голову. Она выскочила из комнаты, забежала в докторскую, в спешке схватила скальпель, и, задыхаясь от гнева, ворвалась к Нисану и пристави-

ла скальпель к его горлу: «Отдай мою вещь, сволочь!».

Близко-близко его глаза, с чем-то неуловимым и восточно-таинственным на дне. Рука её тряслась. Он даже не дернулся, лежал также расслаблено и одновременно собрано. Пауза затянулась.

— Один поцелуй. И птичка твоя, — наконец медленно и чётко сказал он. Алиса задохнулась от странной смеси гнева и ощущения падения. «Ах ты!..»

— Она у меня, я её сохранил. Не продал, не обменял. Я верну её тебе. Один. Поцелуй.

Алиса так и не поняла тогда, что случилось, какая магия или гипноз этого невозможного человека заставили её приблизить свои губы к его и, зажмурив глаза, прижаться к ним. Удар сердца... Второй... Третий... Она открыла глаза и отстранилась, глядя на него с изумлением. Нисан улыбался, опустив ресницы — длинные и чёрные, словно девичьи, а из ладони, которой он сжал так и не отведённый от горла скальпель, сползала на его смуглое крепкое запястье струйка крови.

— Ничего, заживёт, — сказал он, убирая второй рукой скальпель от них обоих. Алиса заметила дефект его большого ногтя, который рос криво, словно был когда-то вырван с мясом из своего ложа.

— Ты турок? — глупо спросила Алиса. Словно под гипнозом, смотрела она в эти темно-карие глаза с лёгким размытием в зелёный к краю радужки. При всей своей выразитель-

ности и выпуклости они отдавали драматизмом из-за острых как стрелки складочек у внешних и внутренних уголков.

— Я родился в Дамаске, — улыбнулся он в ответ и притянул её к себе.

Позже Нисан вернул кулон Алисе, как и обещал. Но забрал её саму.

Алиса и сама не поняла, что же это с ней произошло. Как и почему она забрала вещи из комнаты над таверной и оказалась в жилище Нисана, что она наплела тётке Марии, и отчего та махнула рукой и даже не останавливала её, только крепко обняла на пороге. Алиса словно кружилась и кружилась, но всё не падала, а парила в какой-то странной неге и волнах животного стремления быть с ним.

Нисан стал её первым мужчиной, и вихрь неведомых, уносящих последние проблески разума, ощущений, нечто новое и мощное, закрутили её в водовороте этого невероятно-го взаимодействия. Иногда она будто выныривала на поверхность бескрайнего океана и смутно видела вдали очертания реальности, но уже не различала деталей.

Нисан имел какие-то дела с Директором клиники, касающиеся контрабанды редких медицинских препаратов из других Кластеров и даже территорий отчуждения. У него были и другие тёмные делишки, как догадывалась Алиса, когда он мог пропасть на несколько дней. Или вернуться с кучей несметного, по мнению Алисы, богатства — книги, приборы, детали механизмов. Сам себя он называл «Серый ло-

гист». На самом деле он и не мог быть никем иным, как теньвым предпринимателем и брокером порта Лиссабонского Кластера. Он тоже был пришлым, как и Алиса. Они оба были чужаками, но он был здесь по своей воле и на своём месте.

Алиса довольно быстро увидела, чем он занимался и как вёл дела. Нисан скупал за бесценок редкие до-Шёпотные артефакты — инструменты, лекарства, чертежи — у отчаявшихся беженцев и продавал их втридорога тем, кто мог хорошо заплатить.

Его коньком была контрабанда всего — вещей, информации, людей. Он организовывал нелегальные переходы между Кластерами, переправлял носители, а иногда и самих людей, минуя официальные посты и легальные точки контактирования. Он знал все проходные дворы и лазейки порта. И особо был ценен за улаживание вопросов: за соответствующую плату он мог «убедить» конкурента уйти, найти пропавший груз или связать с представителями таинственной касты ликвидаторов. Он редко применял силу лично, но Алиса знала, что у него есть пара-тройка таких же отчаянных и преданных ему «сотрудников». Они были неизменно вежливы с ней, а чуть позже с ней стали здороваться незнакомые люди, и вообще Алиса будто бы стала окружена коконом «неприкосновения».

Любовное помешательство Алисы расцветчивало образ Нисана каким-то героически-романтическим ореолом. После лет страха и попыток не выделяться Нисан казался ей вопло-

щением свободы. Он не боялся, он брал то, что хотел. Он был антиподом её существования, и это гипнотизировало.

Нисан ворвался в жизнь Алисы как ураган. Впечатление спокойного и немногословного человека было обманчивым. Его эмоции включались непредсказуемо и на максимум — ярость, желание, ревность. После долгого эмоционального онемения это было как глоток крепкого спиртного. И Алиса всё тонула, и тонула, и тонула...

Она всё также работала в клинике, но уже реже, только когда Директор клиники через Нисана просил выйти на дежурство в особых случаях. Чаще всего этими «особыми случаями» оказывались люди, связанные с Нисаном или с его клиентами.

Было ещё кое-что. Впервые Алиса поняла, что не знает Нисана по-настоящему, спустя три месяца, когда в ответ на брань задетого им же прохожего, крикнувшего в спину «Суйкин ты сын и мать твою сука», Нисан его искалечил.

Алиса в ужасе смотрела на стылое лицо своего любимого, который добивал ногами лежащую уже, скрюченную фигуру. Потом кинулась к нему, пытаясь удержать — и чуть не получила удар кулаком. Замахнувшись на неё, Нисан вдруг словно очнулся, вздрогнул, затем, криво усмехнувшись, обнял её за плечи и быстро повёл с улицы.

Алиса долго не могла прийти в себя после того случая, и впервые задумалась — кто же этот человек рядом с ней? Тогда они ни о чём друг другу не сказали. Но всё закончилось постелью. Всё и всегда в их танце страстей заканчивалось постелью. Это было наваждением для обоих, какой-то морок или бесконечное искушение, но стоило Нисану прикоснуться к ней, прижать к себе сильно, у Алисы подкашивались ноги, и она сдавалась без боя, условий и возражений.

Потом уже, после очередного акта любви, где она, как обычно, полностью была в его власти и бесконечно тонула, Алиса лежала, прижавшись к его горячему плотному телу, а Нисан задумчиво водил пальцами по её плечу.

— Нисан — что это за имя такое? — Алиса, привстав с его плеча, близко-близко рассматривала его бронзовое лицо, будто принадлежащее не мелкому криминальному дельцу, а таинственному восточному принцу. Красиво очерченные губы были созданы, казалось, не природой, а рукой упрямого и талантливого художника — так они были чётки и совершенны. Верхняя губа с её дерзкой, выпуклой «птичкой» словно обещала поцелуи, способные лишить рассудка. Смотреть на него было опасно и сладостно, как всматриваться в самую суть соблазна.

Он снова уложил её голову себе на плечо и ответил в потолок:

— Это весенний месяц апрель по-арабски.

Она засмеялась:

— Так ты весна?

— Наверное... С тобой — да.

Они помолчали. Потом Нисан сказал:

— Моя мать, она из хорошего сирийского рода... — он помолчал немного, потом сухо продолжил, — а зачал меня наёмник, который её изнасиловал.

Алиса, обмирая, слушала.

— Но она всё равно любила меня. Любила и всегда защи-

щала.

У Алисы перехватило горло. Пытаясь дышать, она стиснула кулон на шее. Наконец спросила:

— Она осталась в Сирии?

— Да, — просто ответил он. — Во второй волне утонувших. Их тогда очень много в Дамаске было. Я не видел...

Они лежали, обнявшись, как два осколка рухнувшего мира. И никого не было ближе в тот момент для Алисы.

«Утонувшими» называли самоубийц периода Великого помешательства. На второй и третий год после Шёпота по всей планете прошелестели одна за другой волны самоутоплений. Люди совершали беспричинные массовые самоубийства, группами, толпами сбрасываясь в реки, моря, в водоёмы. В местах, где не было водоёмов, утонувших находили в ваннах, бассейнах, бочках с водой... Это было чудовищно страшно, Алиса вспомнила.

Она вспомнила, как хватала за руки, за юбку и пыталась остановить свою мать, когда та в беспамятстве брела по мелководью, заходя всё дальше и дальше, двигаясь как повредившийся механизм, а вокруг с такой же ужасающей целеустремлённостью двигались на глубину ещё много, очень много людей. Тогда Алису оттащил на берег её старший двоюродный брат, и потом они оба долго сидели в оцепенении на камнях и глядели на тихое море, куда ушли их родные.

Были ещё «поехавшие», из культа Очищения, видящие в Шёпоте божью кару за технологическое грехопадение. Были

ещё и «беспамятные», с внезапной и необратимой амнезией, но о тех говорили меньше... Великое помешательство коснулось всех.

Понадобились годы, чтобы оставшиеся целыми поняли — никто не был виноват. Как сказал тот диктор из Софии? Просто случилось явление планетарного и космического масштаба, ставшее неотвратимой данностью. «Его нельзя обвинить, с ним нельзя договориться, его нельзя понять...». Квантовый Шёпот оказал своё воздействие на нейронные связи человеческого мозга, работающие на тех же квантовых принципах. И многие разрушились, не справившись с новой реальностью. Никто не был виноват.

Нисан иногда где-то добывал и приносил книги и журналы, и это был такой праздник для Алисы! Она запоем читала всё, что попадалось, рассматривала иллюстрации, вырезала и складывала отдельные страницы или отрывки по одной понятной ей системе. Нисан лишь поднимал бровь, глядя на неё.

И таверна по понедельникам снова была в её жизни. Тётя Мария наконец вернулась в бодрое расположение духа и даже иногда отвечала кивком на приветствие Нисана, когда тот заходил за Алисой. На трансляцию он никогда не оставался.

Алиса любила Нисана с какой-то щемящей и острой нежностью, будто старалась своей любовью исцелить его раны, наполнить светом и теплом его разбитую целостность души. Она гладила его коротко стриженую курчавую голову («баранья твоя голова!») — кричала она ему в пылу ссоры, что случалось не редко, но примирения после них были слаще всего), целовала эти сумрачные тёмные глаза, а он жмурился и, смеясь, отпихивал её. Обнимая его, Алиса пыталась руками доказать свою любовь, силясь вызвать знакомую по клинике волну жара в них. Но её руки молчали рядом с Нисаном, и сначала она была даже рада этому. Так прошло полгода, потом наступил 2051 год. Новогодье отмечали, как водится, всем кварталом в таверне, но Нисан отрезал, что он

не празднует эту ерунду, и отказался идти туда с Алисой.

Он стал чаще пропадать «по делам», они стали чаще ссориться. И всё чаще она возвращалась в таверну к тётке Марии и запиралась наверху в своей комнате. Но проходил день-два, и она снова уходила к Нисану.

«Вы разные, девочка моя», — жалостливо говорила тётка Мария. «Он осыпает тебя подарками, нам вот помог с углем, да и вообще... с ним тебе безопаснее в этом месте», — она вздохнула. «Но он другой. Он как будто тёмный, из нижнего мира, понимаешь? И ты его не вытащишь оттуда, это его мир, он этого не желает».

«Я люблю его, тётя», — с жаром говорила Алиса, — «И я ему нужна. Просто ему нужно развиваться, больше читать, изучать. Не будет же он вечным Серым логистом?». Тётка Мария только качала головой. Всё в этой жизни она уже видела, всё понимала...

А в марте Алиса поняла, что беременна. Это было странное время для неё — Алиса словно вынырнула на поверхность из океанской глубины, но попала в какую-то туманность, и берега всё также не было видно. Мир стал казаться ненастоящим, искажённым, даже каким-то неправильным. Она часто сидела у окна, глядя на виднеющуюся при любой погоде Башню Белем. О чём она думала? Алиса и сама не знала, но понимала, что с ней происходит нечто важное и сокровенное, что навсегда изменит её жизнь. Какую же жизнь она себе хотела? Себе и тому чуду, которое зародилось в ней?

Но, видно, у судьбы были иные планы на Алису. Беременность закончилась выкидышем. Алиса погрузилась в странное состояние полу-горя, полу-смирения. Было тускло и как-то глухо. Она стала часто ходить к Башне Белем, и, взобравшись на неё, вглядывалась в бескрайнюю и почти непреодолимую Атлантику.

Нисан стал совсем несдержан и часто уезжал надолго. Всё чаще они или молчали, или ссорились. Причиной мог быть любой пустяк — от незапертой по её рассеянности двери до отказа от близости, когда ему хотелось. А иногда он молча сбрасывал её руки с себя, когда она ластилась к нему, и продолжал заниматься своими делами... «Что же с нами случилось?» — грустно думала Алиса, — «Почему нам так сложно вместе?»

Алиса давно ни в чём не нуждалась, но стала всё чаще и чаще ходить в клинику. Директор клиники был доволен, увидев её: «Я рад, что ты вернулась. Нам очень не хватало тебя, Алиса», — и его старые и добрые глаза мягко улыбались за очками.

Ей очень хотелось ощутить почти забытое тепло и покалывание в руках, увидеть, как под ними израненная плоть розовеет и наполняется силой целостности, как затягиваются раны, останавливается кровь. Почувствовать, как происходит восстановление живого под её руками. Как уходит боль, как начинают успокаиваться мечущиеся несчастные больные, как мир возвращается в их глаза...

Почему же с Нисаном не работало то, что жило в её руках и облегчало страдания её пациентов? Почему в его глаза никогда не возвращался мир, а в сердце покой? Его непроницаемый взгляд либо загорался страстью, либо холодел насмешливостью, либо чернел от ярости. Что она делала не так? Неужели недостаточно любила?

Так проходили дни за днями, недели сменялись неделями, времена года расцвечивали Лиссабонский Кластер в свои, только им присущие оттенки. Весной снова жители её квартала красили на своих крышах коллекторы свежей чёрной краской — к этим «коллекторам», огромных бочках для воды, накапливалась тепловая энергия. Летом в районы мезантинков выстраивались очередью длинные вереницы синих и коричневых контейнеров с остро пахнущими гнилью полезными отходами. Осенью Муниципалитет начинал ежегодный ремонт уцелевших трамвайных путей и фуникулёров — и Кластер наполнялся далеко слышимым скрежетом и гулкими ударами вплоть до сезона осадков.

Клиника снова стала важной частью жизни Алисы, её спасением и лабораторией для её дара. А ещё книги и понедельники в таверне. Нисан больше не был центром её жизни и великим её смыслом, но они продолжали жить вместе, и даже иногда как будто вновь ненадолго вспыхивали искорки любви между ними. К осени Нисан стал немного спокойней. Похоже, дела у него пошли в гору, и она несмело радовалась его ровному настроению.

Пока однажды Алиса не увидела его с «алхимиками».

Лиссабонский порт скрывал многое в своём сыром и мрачном чреве, и Алиса, живя с Нисаном, стала больше понимать в механизмах его взаимодействия с Кластером и Муниципалитетом. Многое осуждаемое и преследуемое в нормальном мире было здесь всего лишь способами выживания и частью сложной системы хрупкого баланса. Но было и тёмное, неизбывное зло, вечный спутник человеческой алчности и глупости на всех этапах его истории.

Был один из дождливых понедельников ноября, трансляции в таверне не было из-за поломки радио, и раньше обычного Алиса шла по знакомому маршруту к их с Нисаном дому. Уже подходя, она вдруг увидела выходящего Нисана, и с ним был какой-то скрюченный, скособоченный на одну сторону человечек с непомерно большой головой. Красавчик Рамиро! Она раньше его уже видела — в порту, в своём квартале, и даже несколько раз в клинике, и всегда его появление вызывало косые взгляды и мрачное молчание вокруг.

«Бог шельму метит», — однажды меланхолично сказал Христо стоявшей через дорогу у таверны Алисе, когда Красавчик Рамиро удалялся от его мастерской. «Хотел купить калий», — зачем-то пояснил он, и затем, покачив головой, вернулся в мастерскую.

Директор клиники едва заметно морщился, когда видел

его в своих владениях, но всегда был неизменно вежлив, хоть и старался побыстрее от него избавиться. «Держись от него подальше, Алиса», — как-то ответил он на её полный любопытства взгляд, — «Он из алхимиков — торгует забвением в обмен на душу».

Нисан и Красавчик Рамиро о чём-то тихо говорили, затем Нисан сунул тому что-то в руки, и они разошлись в разные стороны, не заметив вжавшуюся в стену дома Алису. Она немного постояла, потом устало зашла в жилище.

Внутри ей почудился знакомый по клинике запах — сладковато-терпкий, почти лекарственный и малозаметный для нечувствительного носа душок... «Лаки». Нет. Только не это!

Вечером они сильно поссорились.

«Мне надо уехать на пару дней», — сказал ей Нисан, когда вернулся. Алиса смотрела на него, собираясь с духом.

— Чем пахнет в доме, Нисан? — спросила она наконец. Её голос прозвучал тихо и как-то обречённо. — Новые духи? Или... новый товар?

Нисан не отвечал и ходил по дому, собирая вещи в сумку.

— Почему ты молчишь? Нисан!

Алиса встала перед ним, загораживая дорогу:

— Ответь мне, что происходит? Это запах «лаки?» — её голос зазвенел. Но Нисан молча и почти грубо отодвинул её с пути. Алиса в растерянности смотрела в его напряжённую спину. Наконец он поднял на неё глаза.

— Не твоё дело. Дела идут, деньги текут. Я построю империю.

— Империю? — Алиса выдохнула, и в её голосе теперь звенели осколки презрения. — Ты построишь ад на земле. Это же «лаки». Ты... ты теперь алхимик? Ты травишь людей этой дрянью?!

— Не лезь! Люди сами хотят забыться, — рявкнул он, и в его глазах вспыхнул знакомый огонь ярости. — Я дам им то, что они просят.

— Ты тоже его... принимаешь?

Нисан засунул в почти до верха набитую сумку небольшой свёрток и рывком застегнул её. Потом ответил:

— Я не глупец.

— Глупец! Глупец! — закричала Алиса.

Нисан сверкнул глазами и быстро вышел, хлопнув дверью.

Алиса осталась одна. Огляделась вокруг. Прошла по дому, трогая с любовью созданные её руками детали уюта их с Нисаном общего места жизни — шторы, прекрасную ткань для которых она нашла в лавке Юсуфа, цветы в кашпо, связанных ею, смешные и похожие на водоросли нити-бахрому в проёме двери, выходящей на террасу... Потом легла в одежде на кровать и закрыла глаза. Внутри плескалось отчаяние.

Алиса вернулась в свою комнату над таверной. Тётя Мария ничего не спрашивала. Всё как будто откатилось к прежней версии жизни Алисы — клиника, таверна, понедельники, а ещё забранные от Нисана два мешка книг и журналов. Потянулись прохладные и сырые декабрьские дни, камин разжигали все чаще, и как-то незаметно и безрадостно наступил Новый, 2052 год.

В этот день слушали Софию, и у Алисы снова забрезжило забытое чувство бескрайности мира и надежды на то, что в жизни есть и ещё будут светлые и вдохновляющие события. В последний понедельник уходящего года собеседники говорили о том, какие новые кафедры открылись в университете Софийского Кластера, перечисляли имена учёных, а ещё про то, какие разработки, методики и оборудование удалось частично восстановить в Софии после «регресса технологий». Малопонятная, но такая манящая информация! Алиса снова дала себе обещание завести блокнот и записывать в него кратко то, что поняла, и особенно то, что не поняла. Потом дикторы поздравили друг друга и всех, кто слушает их передачу «Понедельники с Софией» с наступившим 2052 годом, и, довольные собой, попрощались весёлыми голосами.

Как всегда, сразу после трансляции началось обсуждение услышанного и споры. «Зачем мы это всё слушаем, всё равно

ничего не понятно, да и София — это совсем другая жизнь», — по своему обыкновению, ворчал Архип. «Зачем же ты приходишь сюда по понедельникам, как по расписанию?» — весело отозвался Лукас, отсоединяя радио от генератора. Он был доволен собой, что на этот раз приёмник не подвёл, и удалось всё дослушать до конца. «Вина по расписанию выпить! Мария, не спи!» — Архип стукнул кружкой по столу, который сам же и сколотил года три назад для этой таверны. Вокруг засмеялись, загалдели, а Христо, задумчиво покусывавший губу, вытер рот и сказал: «Затем, что в информационном поле есть определённые знания, которые становятся доступными при набирании критической массы. Может, ресурс твоих мозгов тоже когда-нибудь станет тебе доступным». Алиса улыбнулась, тётя Мария заливисто захохотала, как и ещё несколько посетителей, а Архип густо покраснел, крикнул и молча махнул рукой. Все знали, что у грека Христо мама была русская, так что с него взять? На Христо и на его чудные иногда изречения никто никогда не обижался, списывая его выбивающуюся из обыденности глубокомысленность на этот факт — все же знают, что русские немного не в себе.

Тут тётя Мария нахмурилась, кому-то кивнула и быстро глянула на Алису. Но та сама уже увидела, что в таверну вошёл Нисан. Она встала и молча пошла к себе наверх. Нисан, провожаемый любопытными взглядами и тихими перешёптываниями, пошёл за ней следом.

— Алиса... — он помолчал, — Я тебе подарок принёс. Знаю, что вы ещё отмечаете новогодье, — он протянул ей синюю пластиковую папку.

Алиса молчала, спрятав руки за спину.

— Вернись, — пристально посмотрел он на неё. — Вернись, прошу, — и протянул было руку, но Алиса увернулась и отошла к окну. Главное, не дать себе опять подпасть по его морок, не трогать, не вдыхать его запах... Даже не смотреть. Но Нисан всегда брал то, что хотел. Он кинул папку на кровать, в несколько шагов пересёк комнату и прижал Алису спиной к стене. Взял её лицо в свои ладони и, глядя своими невозможными глазами в её, тихо сказал:

— Алиса, всё будет иначе. Я тебе обещаю... Мы поженимся. Я всё устрою.

Алиса как замороженная смотрела в любимое лицо, а сердце рвалось наружу, но... Но она убрала его ладони и с вызовом спросила:

— Предлагаешь мне стать женой наркоторговца?

Ноздри Нисана дрогнули, он рассмеялся, быстро поцеловал и ответил:

— Бери выше. Я скоро войду в Совет Муниципалитета.

— Ты любишь меня? — Алиса всматривалась в его лицо, но оно было непроницаемым. — Нисан, ты меня любишь?

Он отпустил её и отошёл к двери. Постоял перед выходом, подумал, потом произнёс: «Ты мне нужна. Ты приносишь мне удачу», — и вышел. Потом крикнул уже с лестни-

цы: «Люблю!».

Алиса потерянно стояла посреди комнаты. Одна её часть хотела броситься за ним и прижаться к его такому родному запаху, ощутить его природную мощь и силу. Другая строго повторяла: «Не смей. Не смей». И Алиса не двинулась с места.

Потом она увидела оставленную Нисаном на кровати папку. Взяла её, открыла. «Предварительное уведомление о намерении сочетаться браком — Нисан Хаммад (04.11.2023 г.р., Дамаск) и Алиса Гераки (12.08.2025 г.р., Никосия)», — на серовой бумаге под шапкой Муниципалитета. Закрыла папку, положила на столик и пошла вниз встречать нового-дье.

Бракосочетание решили отложить на сентябрь. Вернее, решение озвучил Нисан, сказав, что до этого времени они должны переехать в их новый дом, в район подальше от порта и более благопристойный. И следовало бы получить разрешение на личный биомобиль, потому что велосипеды и повозки с осликами ему и его будущей жене не по статусу. И ещё ему нужно уехать на месяц-полтора в Каирский Кластер, наладить «логистические связи».

Нисан становился дельцом (брокером, как он говорил) более высокого уровня. Он стал больше делиться с Алисой текущими своими делами, и даже спрашивать её мнение по самым разным вопросам. Насколько понимала Алиса, Нисан был полностью захвачен набиравшем обороты делом по снабжению редкими материалами корпорации по производству гидротурбин на реке Тежу. Насчёт алхимиков и «лаки» больше не было ни слова, ни запаха.

А перед тем как он уехал в Каир, Алиса снова забеременела.

Эту свою беременность Алиса почти не ощущала физически, ничего не болело, её не тошнило, и аппетит был прекрасным, а психологически и эмоционально она как будто находилась в некой эйфории, словно под веществами, подобными «лаки». Сил, казалось, было немеряно. Алиса перекра-

сила все стены в их доме, несмотря на планируемый переезд, сама вычистила межплиточные швы на всей террасе, топориком вырубилла все старые кустарники по краю двора и сожгла их в бочке за воротами.

Когда Нисан вернулся, их совместная жизнь стала казаться Алисе вполне благополучной и спокойной. Новый дом, в который Нисан привёл Алису, также требовал её заботы и внимания, и Алиса с энтузиазмом начала обустраивать его с учётом своего положения и роста их будущей семьи.

Одну из комнат на втором этаже Алиса отвела под библиотеку. Нисан по её просьбе нашёл и привёз несколько банок контрабандной каирской краски цвета терракот. «Терракот» — Алиса пробовала это слово на язык и ощущала его как нечто шероховато-колкое и с оттенком ореха. Сам цвет был чудесен, и со временем библиотека стала самым любимым местом Алисы, где она могла находиться часами, сначала сортируя и расставляя книги, а потом уже, ближе к сроку рождения их ребёнка, читая какую-нибудь, первую попавшуюся ей под руку...

Снова пришла осень, которую Алиса меньше всего любила в круговороте смены сезонов. Она старалась не думать о том, какое особенное и редкое событие с ней случилось снова, и о том, что снова что-то может пойти «не так», и ей это удавалось почти легко, и она даже начала петь за шитьём и вязанием вещей для своего малыша, который скоро должен был прийти в этот мир.

На последних месяцах беременности Алиса уже перестала ходить к своим в таверну, и, скучая по трансляциям, иногда пыталась пересказывать Нисану их содержание, но тот отмахивался и говорил, что это всё мракобесие и бесполезное времяпрепровождение, которое никаких денег не принесёт. Но однажды он привёз ей целый и довольно компактный транзисторный радиоприёмник. Какой же роскошный это был подарок для Алисы!

Нисан часто отсутствовал, но Алису несколько не напрягала такая её самостоятельность. Она никогда не участвовала себя одинокой или покинутой. Пожалуй, Алиса иногда ловила себя на том, что ей даже как-то комфортнее без его присутствия. Осознание этого её сначала огорчило, но она говорила сама себе: это время такое, время роста и становления, и нужен покой и тишина. Ей нужны были это личное пространство и самососредоточенность, чтобы не спугнуть удивительную и тихую чудесную мелодию зародившейся в ней жизни.

Она любила Нисана, но были моменты их взаимодействия, которые бесконечно удивляли Алису. Нисан, казалось, был горд её положением и тем, что у них скоро появится ребёнок. Но на его шкале допустимых чувств отметки «нежность» или «ласка», которые так нужны были Алисе в это время, не были предусмотрены природой этого человека. Диапазон его эмоций казался Алисе очень ограниченным, причём сильно сдвинутым от баланса, и начинался

от невозмутимости и насмешливости, а расширился только в сторону резких и негативных вспышек вплоть до ярости и агрессии.

Нисан сатанел, видя возросшую Алисину чувствительность и внимание ко всему живому, даже микроскопическому. Она даже безобидную муху не могла прихлопнуть, а пауков или шершней подхватывала палочкой и бережно выносила на улицу.

Алиса пыталась ему объяснить то, что ей казалось таким естественным и несомненным — жизнь священна. И очень хрупка. Неживое никто не может сделать живым. Но любой может сделать обратное. И это очень легко — забрать чужую жизнь, да даже случайно наступив ногой на хрупкую плоть бытия... И необратимость этого заведённого на земле порядка её оглушала. Нисан или молчал на это, или злился и уходил по делам. Эта чувствительность была выше его понимания.

Про «намерение сочетаться браком» никто больше из них не упоминал, словно, не договариваясь, оба отложили это решение на время.

И вот в первый день ноября, в положенный срок — и за три дня до дня рождения Нисана, словно ему в подарок, — Алиса родила, быстро и почти легко, ни разу не застонав. Роды принимала приведённая тётёй Марией доула. В десять вечера уже всё закончилось, и когда раздался слабый детский писк, означавший приход новой жизни в этот мир, до-

ула омыла младенца, осмотрела его, и, поджав губы, немного помялась, потом произнесла: «Девочка. Немного мала для полного срока, но здорова». Передала её тётё Марии, они обменялись каким-то молчаливым посланием, и та, завернув малютку в белую мягкую пелёнку, положила её Алисе на грудь.

Это было невероятно! Крошечная девочка со сморщенным личиком и мокрыми тёмными волосёнками на трогательно большой голове шевелилась и вздыхала в своём хлопковом коконе, и у Алисы внутри разливалось благоговение и щемящий восторг одновременно со страхом и гордостью. Это была самая красивая девочка на земле.

«Здравствуй, маленькая моя...», — она блестящими глазами посмотрела на стоявших около её кровати женщин и сказала: «Мы решили назвать её Зои».

Малышка мирно спала в глубине комнаты в своей розовой кроватке — подарке от Архипа и его семьи. Зои была тихой девочкой, редко плакала, много спала, и Алиса всё не могла налюбоваться её персиковым личиком с тенью длинных, тёмных ресничек. В мире Алисы стало светлее, но сложнее. Она чувствовала дочь как осязаемую и неразрывную часть себя, чувствовала малейшее её настроение или состояние, колики или дискомфорт — как свои. И ещё она почти перестала выходить на улицу в город, потому что стала ощущать смутную, необъяснимую угрозу извне, будто с ней там могло что-то случиться, и тогда Зои останется без еды и без заботы.

Покормив дочь и подождав, пока Зои снова заснёт, Алиса перенесла её в библиотеку, на диванчик около окна, и пристроилась рядом. Что бы сегодня почитать?..

Алиса перелистала свои записи из Инфо-блокнота. Она всё-таки завела его — для конспектирования радиобесед по понедельникам. Он был кожаный и довольно пухлый и нравился Алисе за свой чрезвычайно таинственный и одновременно деловой вид. Она испытывала почти физическое удовольствие от его редкого и очень красивого цвета — глубокий сине-фиолетовый, ещё называемый индиго.

Алиса научилась довольно быстро схватывать на слух и успевать записывать почти все фразы радиобесед, но связ-

ными эти записи вряд ли кто-то мог назвать, кроме неё самой — строки пестрели знаками вопроса около слов, где она сомневалась, что правильно услышала; некоторые слова были зачёркнуты и переписаны, некоторые — неопознаваемо сокращены.

Многое она потом перечитывала на досуге по несколько раз и заново переосмысливала улавливаемые ею раньше оттенки сути. Например, одним из самых ранних её удивительных открытий было то, что каждый в Лиссабонском Кластере считал, что разговаривает на языке своей национальной принадлежности. Алиса уже плохо помнила, как было раньше, до того как её семья осела здесь. Видимо, срабатывали какие-то предохранительные свойства памяти. Приходилось напрягаться, чтобы вспомнить. А иногда воспоминания прорывались сами, в ответ на какой-то внешний стимул, созвучный с оттенком вытесненного эпизода.

Так, толчком к осознанию плохо улавливаемой неправильности «всепонимания», которое она чувствовала, но не могла ухватить суть и выразить словами, стал радиоэфир от 18.03.2052. Эту запись в своём Инфо-блокноте Алиса перечитывала много раз, пробуя на вкус новые слова, вспоминая эффект того выпуска и почти слыша тогдашние голоса.

«Сегодня мы беседуем с профессором Софийского университета, старшим преподавателем номософии Карлом Бельским. И обсудим мы сегодня тему крайне любопытную... В общем-то — как и все наши темы в „Понедельни-

ках с Софией“! Итак, эффект всепонимания — как и когда он стал новой нормой?».

Из радиоприёмника раздался несколько высокий и резкий голос профессора Карла Бельского: «Приветствую уважаемую аудиторию. Тема действительно любопытная. Учёные говорят о «семантической конвергенции», в официальных документах всё чаще используют аббревиатуру ФТК — сокращённо от «Феномен тотальной коммуникации». Но в обиходе общепринятым стало название — «Единый Язык», или ещё «Всепонимание».

Сегодняшние дети даже не замечают всепонимания — для них это так же естественно, как слышать или смотреть. Это дети и подростки, кто прошёл лингвопренацию в утробе матери. Помните тот бум во второй половине 30-х? Сначала все боялись, но потом в пренатальных центрах даже стали появляться очереди.

Методику внедрили незадолго до Шёпота, когда образование в США и странах Союза стало роскошью».

Тут его собеседник мягко перебил: «Поясню для наших молодых слушателей, что сейчас это территории Канадского и частично Берлинского Кластера».

«Да, верно», — ответил гость программы. — «После того, как образование там стало исключительно платным, на государственном уровне решили внедрить эту пренатальную методику, обкатав её в анклавах Союзной зоны...».

Гость немного помолчал, откашлялся.

«Очень любопытно», — поощрил его ведущий, — «А что представляла собой эта методика?»

«О! Лингвопренация была прорывом в то время... Не вдаваясь в научные термины, скажу кратко: плоду в утробе матери на определённом этапе формирования ЦНС проводили нейролингвистический калибровочный импульс. В итоге после своего рождения дети понимали любой язык своей группы. Более дорогие пакеты включали и другие языки, другой языковой семьи или группы, но таких полиглотов было мало. Но вот что я вам скажу, дорогой Герман. В общем-то, методика и её принципы нам сейчас не очень интересны сами по себе. После Шёпота, когда физика квантового процесса перестала работать, наша задача — выявлять и систематизировать новую, странную логику мира, где мысль, информация и материя неразрывны. Главная загадка — не сегодняшние дети. Главная загадка — мы, взрослые, рождённые за десятилетия до лингвопренации. Почему и мы получили этот дар? Почему всепонимание стало для нас таким же базовым, как зрение или слух, и даже с такой же разной остротой, как и эти чувства?»

«Действительно, почему?» — подал голос невидимый Герман.

«Вот это и является предметом исследования группы профессора Хаффмана. Он отвергает популярную теорию о „заражении“ от лингвопренатов. Вместо этого мой уважаемый коллега предполагает, что Шёпот произвёл некий тоталь-

ный фонетически-смысловой импринтинг. Словно на нас на всех, ныне живущих, разом запечатлелось единое лингво-поле из всех языков, существующих на тот момент в пространстве...»

После той передачи в таверне долго стоял гул эмоционального переваривания услышанного, снова припомнили большую драку несколько лет назад, когда кто-то запальчиво утверждал, что все вокруг говорят на греческом, ему возражал местный лиссабонец, а затем подтянулись и поляки, которых и было-то всего, наверное, две семьи на весь квартал... Христо тогда сказал непонятную Алисе фразу про «Вавилон наоборот», и что маятник качнулся в другую сторону. И как ошарашено тихо было после, потому что никто не задумывался об этом вот так, предметно...

В библиотеке темно, лампа давно потушена, только пламя небольшой и уже догорающей свечи слегка колыхалось и дрожало отсветом на стене. За окном отстранённо вздыхала и тихо ворочалась ночная Атлантика.

Алиса смотрела на спящую Зою. С каким даром пришла в этот мир её дочь? Что ждёт девочку впереди? Мир теперь такой недружелюбный к детям... По всему Лиссабонскому Кластеру, да и на других территориях выживания, поддерживавших радиосвязь с уцелевшими зонами, детей рождалось всё меньше.

Как защитить дочь от всех напастей и горестей? Алиса должна стать очень сильной и очень умной. И она должна

продолжать оттачивать свой собственный дар — ту самую отметину, что оставил в ней Шёпот.

Да, с момента первого шока и погромов в начале сороковых прошло достаточно времени. Мир смирился с тем, что стал мистическим и непредсказуемым. «Пробудившихся» больше не сжигали в их домах, видя в них мутантов. В уцелевших кластерах сложилось объяснение: Шёпот и последующая инверсия разблокировали спящие отделы мозга.

Но это хрупкое принятие распространялось лишь на тех, чьи способности оставались в рамках экстрасенсорики: обострённая интуиция, умение чувствовать энергию места или других, самовосстановление... Это считалось приемлемым, безопасным. К тому же сила дара была привязана к земле предков — в изгнании она слабела.

Но были ещё «иные», чьи способности позволяли напрямую воздействовать на материю, менять её свойства. Они всё ещё пугали как окружающих, так и самих пробудившихся.

Алисе нужно быть очень осторожной.

Вот и прошли первые полгода жизни Зои. Шесть стремительных месяцев, пролетевших для Алисы в тумане бессонных ночей, тихого счастья и приглушённого страха. Пора бы уже и выбираться с малышкой на тёплые майские улицы, прогуляться к морю, расправить немного ткань быта молодой матери.

За эти полгода жизнь Алисы сжалась до размеров их общего с Зои поля — её кровати, её ванночки, и ещё библиотеки, пахнущей книгами и ламповым маслом, но теперь ещё и молоком, и теплом детского тельца. А фоном была тишина. Это было странная, глухая, неестественная тишина, исходившая от её дочери. Её присутствие, всё её существо, как саму жизнь — Алиса всегда её чувствовала, как находящийся рядом источник тепла. Или север у компаса.

Но сама Зои... Она была маленьким чудом и тихой загадкой. За шесть месяцев она не произнесла ни звука — ни гуления, ни лепета. Её ротик никогда не открывался для внятного звука. Она слышала — поворачивала головку на шум, реагировала на голос и слова Алисы. Но молчала. Она глядела на Алису и на мир вокруг широко распахнутыми, не по-детски внимательными глазами. Её пальчики с любопытством хватались не только за погремушку, но и за воздух, будто пытаясь ухватить невидимые нити, пляшущие в сол-

нечном луче. Иногда дочь надолго замирала, глядя в пустой угол, и на её лице появлялась странная, отрешённая улыбка. Или начинала беззвучно плакать. Иногда Зои тихонько пищала, если что-то было не так — больно, жарко, мокро, голодно... Но это был именно слабый писк, а не звучный требовательный крик новой жизни, яростно желающей быть.

У Нисана сложились странные отношения с малышкой. Когда он приходил к ним, то либо стоял над кроваткой дочери и молча смотрел на неё, а Зои также молча и серьёзно смотрела на отца. Либо сидел в кресле и на отдалении наблюдал, как Алиса кормит Зои, или нянчится с ней, или тормошит и играет. Ни разу после её рождения он не взял Зои на руки.

«Смотри, как подросла, тяжёленькая такая стала. Подержи», — предлагала ему Алиса, не раз пытаясь установить контакт между отцом и дочерью. «Нет. Ещё сломаю что-нибудь». И прятал руки за спину.

— Почему она молчит? — спросил он однажды, просидев с ними в библиотеке около часа. — Она всегда такая? Разве это нормально?

Зои повернула к ним головку, прислушиваясь. У Алисы сжалось сердце.

— Ещё заговорит, Нисан, — она постаралась скрыть тревогу за беззаботностью. — Ты ещё устанешь отвечать на её бесконечные почему.

Но, похоже, Нисан ей не верил.

Приходила тётя Мария, приведя с собой доктора из Алисиной клиники. Тот долго слушал Зою, поворачивал её голову вправо-влево, постукивал по спинке и ключицам, щёлкал пальцами у правого и левого уха, вытягивал и сгибал ножки. Клад на спинку и смотрел, как та переворачивается. «Судя по осмотру — совсем нормальная девочка, развивается как и положено. Я не педиатр, конечно, сами знаете — в Лиссабоне мало детей. Но на мой взгляд — обычный, вполне здоровый ребёнок».

Когда доктор ушёл, провожаемый Нисаном, Алиса укрыла Зою в её кровати, подошла к тёте Марии и села рядом с ней на диван.

— Тётя, скажи. Что не так? Что сказала тогда доула? Я же видела ваши переглядывания.

Тётя Мария колебалась немного, открыла и закрыла рот, потом вздохнула, погладила Алису по руке:

— Я не знаю, девочка моя. И она тоже не знает. Сказала тогда, что есть какая-то тень на малышке...

— Тень? Что за тень, тётя? — Алиса вгляделась в глаза тётки Марии, но та смотрела на неё с тревогой и непониманием.

— Антонина, доула, она ведь тоже из преследуемых. Что-то чувствовала, видела, предсказывала. Здесь только тень её способностей и осталась. Но она хороший человек, добрая, как есть, так и говорит. Значит, больше и нечего ей сказать, Алиса... — тётя Мария снова вздохнула. Так они и сидели молча вдвоём и смотрели на тихо лежащую в кровати Зою,

думая каждая о своём.

И снова полетели дни. Алиса заботилась о дочери, часто пела ей, а ещё начала читать вслух наиболее любимые свои книги. И всё ждала, когда та скажет хоть что-то, произнесёт любой звук. Тревоги и ежедневные заботы утомляли Алису, и именно на них она списывала странное зыбкое ощущение угрозы... Какой-то иррациональный и слабо улавливаемый страх, будто что-то случилось, ты ещё не знаешь, что именно, но уже видишь, как чуть колыхнется камыш. Беда близко... Или словно зло ещё не коснулось тебя, но ты уже чувствуешь его дыхание.

И однажды всё вскрылось.

Нисана принесли домой чужие люди, которых Алиса раньше не видела. Когда она открыла дверь, двое хмуро кивнули ей и оставили Нисана лежащим у двери — просто молча развернулись и ушли. Весь с ног до головы мокрый, изжелта-бледный, её Нисан лежал у входа как неживой, с разбитыми губами и со страшной полоской белков полузакрытых глаз. И запах! Алиса снова учуяла этот запах беды — «лаки»...

Надрываясь, в несколько подходов, Алиса с трудом втащила Нисана в прихожую. Потом без сил села рядом на пол и долго смотрела. Всегда чуткая к живому, к чужому страданию, сейчас Алиса не слышала зова плоти о помощи. Вслушиваясь, она пыталась вызвать в руках знакомый жар целительства. Но здесь что-то было не то. Зло, проникшее в Ни-

сана, не поддавалось её воздействию, никуда не уходило, не рассеивалось. Алиса поняла — телу Нисана не требовалось «заживления», а души лечить Алиса не умела.

С тех пор как Алиса, наконец, увидела правду, Нисан перестал скрываться и вообще хоть как-то себя сдерживать. Часто он приходил домой не в себе, с застывшим и отсутствующим взглядом. И этот запах отравы, еле уловимый, но въедливый и тошнотворный, как разлагающаяся плоть, преследовал Алису почти ежедневно. Ни на какие разговоры Нисан не шёл, грубо её обрывая, иногда срывался на крик: «Не лезь!».

Алиса стала запирается в библиотеке с дочерью на ночь. Но как-то вечером, когда Зои уже спала в перенесённой в библиотеку розовой кровати, Алиса буквально на минуту отлучилась в ванную, а когда вернулась — перед кроватью молча и с диковатой кривой ухмылкой стоял Нисан, и в его взгляде Алиса углядела морок и злобу.

— Это не моё отродье, — выплюнул он злобно. Алиса качнулась как от удара:

— Что ты говоришь?!

— Она вечно молчит и только смотрит, смотрит. Надо от неё избавиться.

Алиса замерла, потом бросилась к кровати и встала перед ней, между Нисаном и спящей Зои.

— Нисан! Очнись! Это наша дочь!

Он смотрел сквозь неё, и дикий огонь плясал в его тёмных

глазах. Потом шагнул к кровати.

— Нисан! — Алиса схватила его за руку, но он резко ею дёрнул, а другой отшвырнул Алису с дороги, да с такой силой, что она упала, свалив собою столик с лампой. Вспышка разлившегося масла осветила бледное лицо Нисана, нависшего над кроватью, из которой послышался писк проснувшейся Зои. Алиса, мертвея от ужаса, силилась подняться и всё шарила вокруг себя, обо что бы опереться скользкими масляными руками и встать. Пламя от лампы плясало на разлившемся масле, Алиса машинально набросила на него уже тлеющий по краю тяжёлый коврик, который нашарила рукой, и бросилась к Зои уже в темноте.

Мимо неё, задев плечом, не издав ни звука, вышел в светлеющий проём двери Нисан.

Алиса подхватила переставшую пищать дочь: слава Всевышнему, с ней всё в порядке. Она прижала Зои к себе, слегка покачивая и приговаривая дрожащим голосом: «Всё хорошо, моя маленькая, всё хорошо, мама с тобой».

Потом, не выпуская Зои из рук, зажгла свечу, как могла одной рукой подняла столик. Приподняла коврик, проверяя, не тлеет ли под ним огонь. Потом подошла к двери, проверила все замки, вернулась к дивану и долго сидела, покачивая дочку. Нужно было решать, что делать дальше.

«Тётя, я решила вернуться с Зои в Никосию» — Алиса и тётя Мария сидели в комнатке наверху таверны, маленькая Зои ползала между ними по кровати, забавно заваливаясь и снова упорно возвращаясь в удобное для исследований окружающего пространства положение. Алиса, задумавшись, тербила кулон на шее и смотрела на малышку.

— Мне здесь жизни нет. А там, на родине, я, может, смогу что-то сделать, усилить свои способности, и может — получится поправить... здоровье Зои. Убрать с неё тень.

Тётя Мария подняла и пристроила на своих руках добавившуюся до неё Зои.

— Наши говорят, там жить можно сейчас, всё успокоилось более-менее, но лучше поезжай-ка ты не в Никосию — там у нас никого уже и нет. В Нео-Хорио живёт с семьёй Иоаннис, брат моего Косто, — тётя Мария перекрестилась по-старинному. Косто, её муж, пал в боях сразу после Шёпота, когда северяне ударили по Исходном Кипру из всего, что ещё работало, а базы Союза — по ним обоим. Тогда в панике все стреляли во всех. Тогда же погиб и отец Алисы, военный, которого она уже плохо помнила.

— У Иоанниса хорошее, крепкое хозяйство, и у них там дружная община, богатая, со своими порядками и администрацией. Они и нас давно зовут, но мы тут как-то уже и при-

жились, и таверна вон уже какая, на весь Лиссабон славная.

Они помолчали, тётя Мария покачивала тихую Зою, а Алиса мрачно смотрела в окно. Решено. Здесь она уже ничем и никому не поможет, а дочь ещё можно вылечить, поправить, и родная земля придаст сил.

Конечно, выезд из Лиссабонского Кластера — уже риск. Каждый Кластер и анклав на пути имеет свои правила, пропуска, пошлины, а между ними — обширные территории без управления и с угрозами нападения. Но Алиса за годы жизни с Нисаном уже кое-что понимала в организации переправки людей, и уж до Каира спокойно и почти без рисков доберётся недели за две, сначала рейсовым пароходом, затем в составе каравана с конвоем. Говорили даже, что вдоль побережья от Тобрука до самой Александрии восстановили железную дорогу. Далее от Порт-Саида до Лимасола паромом, потом местным шаттлом до Пафоса. А уж оттуда до Нео-Хорио — рукой подать.

Скоро, в ноябре, Зою будет год, и можно будет тронуться в путь. В день её рождения Алиса пойдёт в Муниципалитет, выправит все метрики, иначе на каком-либо отрезке их большого путешествия Зою могут посчитать одной из многочисленных похищенных. Раньше года младенцев не регистрируют, поэтому придётся ждать... Хорошо, что они с Нисаном так и не поженились, мрачно думала она, трудно было бы добиться разрешения вывезти ребёнка из Кластера, где каждый из новорождённых был надеждой на будущую жизнь, и где

их так мало рождалось. Но пришедших, желающих вернуться на родину, не удерживали.

Алиса не знала, насовсем ли она покидает Лиссабон, или ещё когда-нибудь вернётся. Но точно понимала, что оставаться здесь больше нельзя. Не её это место, не её эта жизнь. И Зои здесь плохо, слабенькая совсем и такая тихая... Насчёт дороги Алиса интуитивно не боялась — пока она рядом, с Зои ничего не случится. Здесь же Алиса боялась встречи с Нисаном — боялась дать слабину и снова остаться рядом с этим человеком. Хотя слишком многое связывало их, и в глубине сердца Алисы ещё теплилась любовь в этому мужчине, но последняя его вспышка агрессии и его тёмные дела с алхимиками проложили между ним и Алисой, между ним и его дочерью, непроходимую пропасть.

С Алисой собрался ехать и Лукас, старший сын тёти Марии. В планах было побывать на Кипре и установить связи с остававшимися там членами их большого разветвлённого рода, а затем, через месяц, он собирался вернуться к тётке Марии и к таверне. Лукас был доволен своей жизнью и чувствовал себя в Лиссабонском Кластере как дома. Хорошо, что он решил ехать. С ним дорога будет проще и спокойнее.

Первого ноября в Муниципалитете Алисе после верификации и осмотра выдали для дочери метрику за номером 801. Слухи о катастрофически низкой рождаемости и младенческой выживаемости в Лиссабонском Кластере, да и повсюду, уже никого не удивляли. Однако Алису шокировал смысл,

скрывавшийся за цифрами номера: её Зои была всего лишь восьмьсот первым ребёнком, который дожил до года в Лисабоне в 2053-м.

Её собственный палец после процедуры взятия крови для верификации немного саднил, и Алиса тихонько подула на такую же отметину на крохотном пальчике ни разу не пискнувшей Зои. Затем погладила — ранка мгновенно побледнела. Но не исчезла совсем. Значит, родная земля ждёт...

Алиса собирала вещи, самое необходимое: два платья, три комплекта нижнего белья, джинсы и несколько футболок с толстовкой, дорожное платье... Достала убранные было до следующей осени крепкие тактические кроссовки — настоящая редкость, добытая для неё Нисаном. Для длинной дороги самое то. С собой — мягкие кожаные тапки-балетки, которые шили в соседнем квартале выходцы из Марокко. Для Зои — побольше пелёнок, три рубашечки, связанные Алисой два комбинезона и тёплую шаль. И ещё удобнее-ший слинг, купленный на рынке месяц назад. Инфо-блокнот и мешочек с драгоценностями, подарками Нисана, а также свёрток с монетами и ещё две бутылки крепкого алкоголя. Алиса уложила на дно кожаного баула и плотно заложила вещами.

Остальное — документы, деньги на дорогу, платки, детские принадлежности и бутылочка — всё уместилось в плотной тканевой сумке-почтальонке. Драгоценный кулон, мамин подарок — на шее, а в сердце — надежда на добрые пе-

ремены.

Вот и всё. Алисе двадцать восемь, Зои годик, у обеих впереди полная неизвестность, и первый шаг на этой большой дороге — пароход до Танжера.

...После отъезда Лукаса дядя Иоаннис упрашивал Алису остаться в его большом доме, малышке здесь будет просторно и безопасно, уверял он. Но Алисе очень хотелось уединения и больше времени на занятия с Зои, которую многочисленные родственники почти не выпускали из рук. Зои неизменно вызывала умиление вместе с любопытством, и Алиса уже только молча пожимала плечами на расспросы о причинах Зоино молчания и на многочисленные советы.

Семья Иоанниса жила привычным укладом фермерского хозяйства, где козы спокойно заходили в жилище, а запах масел и трав вперемишью с жареным халуми соседствовал с ароматами брожения из больших герметичных чанов на заднем дворе. Хотя стоял самый обычный дождливый и не очень прохладный декабрь, но в доме было всегда жарко, и Алиса каждую ночь приоткрывала окно в комнате, которую для неё с Зои любезно уступила Анна, младшая дочь Иоанниса.

Поэтому где-то через месяц, аккурат к Новому году, Алиса с Зои поселились в крепком невысоком доме из желтоватого песчаника примерно в километре выше, в горах. Он был небольшим, но там была уютная светлая спальня на втором этаже, с балконом под прочным тентом, внизу — просторная кухня с большим и исправным камином, а ещё в пристрой-

ке-купальне к ней — настоящая мраморная ванна на каменном полу.

Дядя Иоаннис неодобрительно ворчал, наравне со своими внуками перенося вещи «девочек» из чуждого на вид биомобиля, в котором ещё угадывался остов древнего пикапа, в их новый дом.

— Лучше бы с нами жила, под присмотром. Что ты тут одна делать будешь?

— Не одна, мы с Зои справимся, дядя.

Тот недоверчиво качал головой.

— Да и вы совсем рядом, идти минут пятнадцать всего, — успокаивала его Алиса, входя за ним в дом и показывая, куда складывать мешки и коробки.

Она сразу присмотрела этот дом, совсем недавно опустевший, но крепкий и ухоженный. Полгода назад его покинул средний сын Иоанниса, решивший уехать со своей невестой на её родину, в далёкий Канадский Кластер. Иоаннис не очень-то распространялся об этом, но Анна по секрету рассказала Алисе, что та «канадка» не могла больше находиться на Кипре, постоянно болела и словно высохла вся, хотя ей и тридцати ещё не было. «Не приняла её наша земля», — многозначительно говорила Анна.

Мальчики втащили под навес два мешка угля и несколько сеток с дровами, быстро соорудили высокую и внушающую уверенность поленницу.

Собираясь уходить, дядя Иоаннис оглядел преобразив-

шийся двор.

— К лету достанем тебе в Пафосе солнечные батареи, воду и канализацию Марк здесь сделал по уму, всё отлично работает. Краны я все проверил... Ну, мы рядом, если что, — он немного потоптался, потом похлопал Алису по руке и собрался вниз к биомобиле. Алиса прошла с ним, и, прощаясь, поцеловала в сухую старческую щеку:

— Спасибо, дядя. Мы будем часто приходить, ещё устанете от нас, — он ласково посмотрел в ответ, погладил по голове молчаливую Зою, смиренно сидевшую на руках Алисы, и сел в биомобиль. Мальчики уже убежали домой.

Они действительно были рядом, Алиса даже могла видеть их усадьбу внизу, выгляни она направо с балкончика. Это было отличное решение — жить рядом, но не мешать своим присутствием. Алиса постояла у ворот, оглядела территорию. Дом, тёплый и добротный, обжитый умелыми руками, но внезапно осиротевший без своего хозяина, уехавшего вслед за любовью, словно присматривался к ней своими небольшими окнами.

И вот теперь это их с Зоей жилище. Что будет дальше, Алиса не знала. У неё даже никаких идей не было, когда она пыталась представить свою дальнейшую судьбу. Главное — убрать тень с Зои, услышать её голос, дать окрепнуть её маленькому тельцу — а там посмотрим, так думала Алиса, вычищая все углы и снимая паутину с каминных полок. «Ничего», — думала она. «Ничего. Главное — начать...».

«Зои! Да где же ты!» — Алиса снова бросилась на поиски дочери, третий раз за сегодняшний день. Снова её кровать с высокими бортиками была пуста. Как же она её покидает?

Она торопливо вышла на задний дворик, образованный тремя стенами дома, а с четвёртой — огороженный высоким колючим кустарником, по центру которого начиналась добротной калиткой и вела далеко вниз, к самому морю, минуя ферму Иоанниса, узенькая каменистая тропка.

Теперь её дочь добралась до калитки. Научившись ходить самостоятельно, Зои стала невероятно любознательной и жадной до окружающего пространства. Стоило Алисе зазеваться — и её девочка успевала доковылять на своих крепеньких ножках до границ территории, определённой Алисой как безопасной. Пожалуй, Алисе становилось всё трудней уследить за её передвижениями, нужно что-то придумать, потому что дом и их нехитрое хозяйство требовало забот и внимания, и отвлекаясь на которые Алиса пусть и не на долго, но теряла дочь из вида.

Иногда приходила Анна, приносила домашние продукты и свежие сплетни, рассказывала, что к лету в Пафосе откроют новую больницу, что у старой Элеоноры внезапно выросли новые зубы, а у её мужа (тут Анна хихикала как девчонка) — снова появилась потенция... В такие дни Анна с удо-

вольствием играла с Зои, возясь с раскрасками, или рассказывала ей старые мифы и сказки, да так певуче и интригующе, что занимавшаяся в эти моменты своими делами Алиса невольно прислушивалась и даже ждала продолжения.

Вопреки опасениям Иоанниса, однажды принёсшего старое ружьё, которое следовало заряжать сыпучей мелкой дробью, жизнь на отшибе в деревушке Нео-Хорио была тихой, безопасной и шла своим чередом.

Алиса пыталась слушать землю, прикладывала к ней руки и даже ложилась ничком, прикладывая ухо. Но ничего ни в ней самбй, ни в её способностях не менялось и даже не отзывалось привычным по Лиссабону жаром. И проверить было не на ком. Заживить быстро пустяковую царапину на ножке дочери — это работало безотказно, как и раньше. Зои практически не болела, не температурила, и даже прорезавшиеся к её году и трём месяцам зубки были ровные, крепенькие и беленькие, и появились как-то совсем незаметно и безболезненно.

Как проверить собственную силу? В чём её дар? Почему не говорит Зои, хотя здесь, на Кипре она стала крепкой и жизнерадостной и очень активной малышкой? И в чём дар самой Зои?

«Неужели слухи ввали?» — думала Алиса. Или, может быть, нужна какая-то активация? Призыв сил? Как это вообще происходит здесь, на родной земле? Она прислушивалась к себе, к дому, к старому рожковому дереву во дворе, кото-

рого называла просто — «Друг», но не находила ответов.

Пока однажды дядя Иоаннис не пришёл к ней с необычной просьбой — посмотреть его козу редкой породы, ценный экземпляр. «Я же не ветеринар», — засмеялась было Алиса. Но он не отставал: «Просто посмотри, козочка молоденька совсем, прыгнула неудачно, ногу сломала...» — и Алиса сдалась. Одев Зою потеплее, она вместе с Иоаннисом спустилась к ферме.

Действительно, молодая белоснежная козочка с длинными словно локоны ушами лежала на боку в глубине сарая, вытянув свои тонкие ножки. Правая передняя была неестественно вывернута, тонкая пястная косточка была сломана и торчала одним концом наружу сквозь шёрстку. Сама ножка была мокрая и без следов крови.

Алиса ахнула и, присев, жалостливо погладила козочку по шее. Та быстро и шумно дышала и смиренно смотрела на подошедших.

— Никогда у нас они ноги не ломали, вывих был, а чтобы вот так — впервые... Жалко будет усыплять, молоденькая совсем, — дядя Иоаннис вздохнул. — Ветврач, молодой Закария, вернётся только через два дня, я уже узнал.

В памяти Алисы зыбкими призраками встали тени прошлого. Как к ней, тогда ещё совсем юной, ночью в страхе прибежала соседка, разбудив тётю Марию с просьбой отпустить Алису к её пятилетнему сыну, который упал с лестницы и разбил о каменные ступени голову. Алиса вспомнила

ту ночь. И как она шла в темноте к дому соседки, которая болезненными тычками подталкивала её в спину и бессвязно выкрикивала то ли молитву, то ли хулу, пока еле поспевавшая за ними тётя Мария не влепила той пощёчину...

И как потом, позже, чудом выживший мальчик, чью голову она тогда почти собирала своими руками, бежал за ней вместе с толпой улюлюкающих старших приятелей и вместе с ними выкрикивал «жги мутантов».

Алиса закрыла и открыла глаза. Прошное пусть остаётся в прошлом. Прошло уже десять лет, и люди наконец что-то стали понимать. И сейчас Алиса в безопасности, среди своих.

Она кивнула Иоаннису, и тот, кивнув в ответ, вышел из сарая.

И у Алисы всё получилось. Снова.

Зима в Нео-Хорио выдалась солнечной и тёплой. Дождей было мало, и даже не каждый вечер Алиса разжигала камин. Зои всё также пыталась ускользнуть из дома, и Алиса наконец увидела, как она покидает свою кроватку с высокими бортиками. Чутко прислушиваясь к привычной тишине, она заглянула за ширму, отделяющую кухню с камином от небольшой комнатки Зои, где она спала днём. И увидела, как её крепенькая малышка, постояв перед поручнем кроватки и пробуя его на зуб, немножко поприседала и даже попрыгала, держась за бортик ручками, а потом, закинув ножку, вдруг ловко перевалилась через него всем тельцем и по-кошачьи мягко приземлилась на четвереньки на пол. Алиса и ахнуть не успела. Наблюдая за Зои, как та поднялась на ножки и уверенно поковыляла в её сторону, Алиса рассмеялась и пошла ей навстречу.

Ещё Алиса заметила, что Зои в своих вылазках выбрала себе любимое место, и чаще всего её можно было найти на небольшом плоском камне перед калиткой на заднем дворе, где она тихо сидела, подняв головку вверх, и смотрела на небо. Поэтому Алиса соорудила там широкий и низкий шезлонг, и вечерами они с Зои, укутавшись потеплее, стали вместе лежать на нём и смотреть на звёзды. Над ними в темноте простирался бескрайний и древний небосвод, усы-

панный яркими точками, и Алиса рассказывала Зои всё, что успела в своё время прочитать про них. И только когда Зои начинала тихонько посапывать в её объятиях, Алиса уносила её в дом, и они засыпали уже вдвоём в своей уютной спальне на втором этаже, а звёзды продолжали их бесстрастно разглядывать сквозь балконные окна.

И вот, незаметно, почти не сделав перехода и без предупреждения, на Кипр пришла весна.

Выйдя однажды утром во двор и собираясь с Зои на ферму, чтобы съездить с Иоаннисом и Анной в Полис за припасами, Алиса ахнула: вдоль всей широкой дороги к ферме непримечательные высокие кусты естественной изгороди за одну ночь вдруг приобрели изящество и роскошь и теперь были усыпаны россыпью мелких ярко-белых звёздочек. Их тяжёлый, сладкий запах, с нотками мёда и фруктов, пьянил сильнее любого вина. Казалось, дышишь не воздухом, а самой жизнью, густой, сладкой и обещающей только счастье.

Не веря своим глазам, Алиса прошла за ворота и заворожённо оглядела ставшую вдруг сказочной дорогу, затем, медленно и глубоко дыша, вернулась во двор к Зои. Волна аромата накрыла её с головой, пробуждая память детства. Он был не просто пьянящим — он был осязаемым, густым, как сироп, и свежим, как горный ветер. Это цвёл жасмин.

Алиса засмеялась и подхватила дочь на руки. Она поднесла её к ветке, и та тронула пальчиком хрупкие цветки, будто пробуя их на ошупь. Потом повернула головку к Алисе и,

всмотревшись в её смеющееся лицо, снова потянулась ручками к белоснежным звёздочкам жасмина и смешно чихнула.

— Смотри, Зои! — сказала Алиса, задыхаясь от смеха и восторга, — Видишь? Будто кто-то рассыпал по веткам жемчуг и сахар! Пахнет, как рай!

На ферме прибавилось хлопот, и даже Алисе с Зои нашлось дело. Алиса как-то заглянула в бумаги Иоанниса и оторопела от хаоса и запутанности его бухгалтерии и логистики. Как Иоаннис смог построить своё хозяйство, которое не только обеспечивало его семью, но и являлось значимым поставщиком всего Муниципалитета, так бестолково и словно по наитию ведя дела? Конечно же, неизбежно и критически часто случались перебои — то с поставками воды, то с расчётами заказчиков, то зерна не хватало, то угля избыток...

И постепенно Алиса стала приходящим администратором, таким кризис-менеджером фермы, чему Иоаннис был невероятно рад, а уж многочисленные тётушки и подавно — Зои стала любимицей фермы и всего многочисленного семейства.

Её собственный небольшой садик во дворе расцветал на глазах, дом стараниями Алисы преобразился и приобрёл тот неуловимый, но явный уют, который даёт любому заглянувшему в него понимание — здесь живёт любовь.

Алиса поверила, что она дома, и что всё будет хорошо. И

они летом поедут с Зои в Пафос, там есть хорошая клиника для деток с местными знахарями, и может быть, она услышит наконец слово «мама»...

Но как-то, возвращаясь из Полиса на ферму, она, заду-
мавшись, смотрела на холмы в окно биомобиля, пока Анна
и их дальняя родственница, смешливая черноволосая Оли-
вия, без умолку болтали на заднем сиденье, а Зои, сидя меж-
ду ними, вертела головой, переводя взгляд с одной на дру-
гую и смешно округлив ротик. Иоаннис молча подруливал,
удерживая тяжёлый биомобиль на каменистой дороге, а Али-
са всматривалась в дышащие жизнью, цветением и упоени-
ем весны окрестности Нео-Хорио. И тут, издали взглянув на
склон холма, на вершине которого уютно расположился их
с Зои дом, она увидела пока неясное нечто, заставившее её
сердце сжаться. Она прищурилась. Дядя Иоаннис, погляды-
вая на неё сбоку, произнёс:

— Тюльпаны. Самое время.

Действительно, весь холм был усеян ими, будто неведо-
мый художник-гигант потрянул кистью, и брызги алой краски
застыли на изумрудном склоне. Алиса почувствовала смут-
ную, необъяснимую тревогу, которая возникает при виде
красоты, но красоты тревожной, почти зловещей. «Что это
со мной? Это же просто тюльпаны», — Алиса тревожно вгля-
дывалась в цветущее великолепие. Но чем дольше она вгля-
дывалась, тем яснее проступал иной образ. Не брызги, а кап-
ли. Не краска, а кровь. Цветущее, дышащее жертвоприноше-

ние. Ярко-красные точки вдалеке казались не живыми бутонами, а бесчисленными каплями пролитой крови, застывшими на камнях и траве. Воздух, пьянящий ароматом чабреца и влажной земли, внезапно показался ей запахом железа и меди.

Ещё вчера этот холм был лишь нагромождением камней и зелени. Теперь же он был усеян, словно алыми точками, сотнями диких тюльпанов, что выстрелили из земли и раскрылись за одну ночь. Они не цвели — они проступили. Древняя земля словно вынесла предупреждение, написанное на языке, который Алиса не могла прочесть, но всем своим нутром чувствовала, что это послание. Словно предчувствие, которое нельзя ни отвергнуть, ни понять.

Пожалуй, им с Зои стóбит пожить пока в доме дяди Иоанниса. И съездить, наконец, в Пафос на несколько дней, показать Зои местным врачам. Так думала Алиса, собирая их с дочерью пожитки в небольшой кожаный баул. Она гнала от себя смутное ощущение беспокойства, но не стала совсем его игнорировать. Лучше побыть пока в другом месте. Пусть отцветут тюльпаны, так встревожившие её, и тогда ей станет спокойнее.

Она прошла с баулом в купальню, где уже высохли вещи Зои, поставила его на скамью и стала складывать в него рубашки дочери. И заметила, что торопится. Да что с ней такое? Откуда эта внезапная тревога?

Алиса прислушалась. Чьи-то шаги раздались во дворе, захрустел гравий на дорожке к дому. Дядя Иоаннис что-то забыл? Или Анна решила побыть с ними до вечера? Она вышла в кухню, где за ширмой спала утомившаяся после длинного дня Зои, и подошла к двери. Не дожидаясь стука, она распахнула её — и быстро закрыла за собой, шагнув на крыльцо. Перед домом, рассматривая его, стоял Нисан, а увидев Алису, двинулся было к ней, но, не доходя пары шагов до крыльца, остановился. Ещё более смуглый, чем Алиса его помнила, немного похудевший, но всё такой же крепкий, в камуфляжном костюме со щитками на плечах и наколенниками,

похожем на те, которые носили ликвидаторы после Шёпота, он был настолько не к месту здесь, словно острый клинок на шёлковой подушке.

Он, не подходя, смотрел на неё. Алиса смотрела в ответ, разглядывая это скульптурно вылепленное лицо, тёмные глаза, отмечая странную униформу, в которую он был одет. Пауза затянулась. Наконец Алиса, выдохнув, спросила:

— Зачем ты здесь?

Он усмехнулся. Потом шагнул к дому, поднялся на крыльцо. Глядя близко-близко ей в глаза, тягуче произнёс:

— Ты даже непустишь меня в дом?

Алиса немного постояла, вглядываясь в него и вслушиваясь в себя, потом развернулась, открыла дверь и пропустила его внутрь.

Войдя и сделав несколько шагов, Нисан огляделся. Потом подошёл к лестнице на второй этаж и мельком глянул вверх. Алиса, не выпуская ручку закрытой за собой двери, не спускала с него глаз.

— Мило. Не очень-то современно, но мило, — и он изучающе посмотрел на неё. Потом прислонился к стене у камина, руки за спину, и наконец улыбнулся:

— Хорошо выглядишь, Алиса. Я скучал по тебе.

— Зачем ты здесь? — снова спросила она.

— Я хочу видеть свою дочь.

Алиса инстинктивно глянула на ширму, Нисан проследил её взгляд и шагнул в ту сторону. Алиса быстро прошла к

ширме, и вместе они оказались перед кроватью спящей Зои. Следя за ним встревоженными глазами, Алиса выжидала. Нисан молча и задумчиво смотрел на маленькую девочку в кровати, потом развернулся и вышел в кухню.

— Как она? Так и не говорит?

— Дочь? Которую ты чуть не убил? Нет, не говорит, — Алиса с вызовом смотрела на него.

— Ясно... Я приехал за вами, Алиса. И мы все вместе вернёмся домой, — в тоне Нисана, таком обыденном, была просто констатация факта, словно всё уже решено. Алиса вздёрнула подбородок:

— Ступай своей дорогой, Нисан. Нам уже не по пути вместе. И Зои с тобой небезопасно.

— Нет. Я в порядке. Мы все едем домой.

Алиса сжала кулаки:

— Мой дом, и дом Зои — здесь! Она здесь стала веселее, и может, скоро заговорит.

— Мы едем домой. Все вместе, — глаза Нисана налились темнотой, и у Алисы словно что-то сжалось внутри в пружи-ну.

Нисан шагнул к ней, и Алиса отпрянула, и, упёршись в тяжёлый стол, быстро обошла его и прижалась к стене.

— Алиса!

Алиса покачала головой, стараясь сохранять самообладание.

— Нисан, я не хочу быть с тобой.

Нисан промолчал, потом хищно раздул ноздри:

— Ты не можешь просто так оставить меня. Ты мне нужна.

Они смотрели друг другу в глаза, не в силах закончить этот поединок воль, и напряжение нарастало так стремительно, что у Алисы на руках волоски встали дыбом. Но она быстро глянула на ширму, за которой спала Зои, и тем самым как будто обрела силы, и снова прямо и непреклонно посмотрела в лицо Нисана.

Нисан первым отвёл взор, его глаза скользнули по комнате, по столу, по буфету. Увидев ножи на подставке над камином, он шагнул к ним, достал самый большой, которым Алиса обычно резала мягкий разваливающийся свежее выпеченный хлеб.

Алиса замерла и, казалось, даже перестала дышать.

— Я без тебя умру, уже почти умер. И только ты можешь меня спасти, — и с этими словами он с размаху всадил нож себе в правое бедро. И, подавив вскрик, упал на одно колено, откинул окровавленный нож, затем неловко боком осел на пол, и с кривой жуткой усмешкой на перекошенном от боли лице сквозь зубы произнёс:

— Спаси меня, Алиса. Только твои руки могут это.

Алиса с ужасом смотрела на происходящее, как на чудовищный кошмар, который должен был закончиться по законам сна — но как? Как вынырнуть из этого липкого ужаса и поднимающегося гнева?

Из-за ширмы послышался слабый писк Зои. Её девочка

проснулась, и ей что-то требуется. Алиса шагнула было к ширме, но остановилась.

Нисан даже не пытался зажать рану и молча сидел на полу, сверкая белками и бледнея на глазах. Под ним быстро, опасно быстро, растекалась ярко-алая кровь, толчками изливаясь из бедра, и Алиса поняла — она в ловушке.

Словно под гипнозом, не отрывая глаз от смертельной раны, она подошла к Нисану и присела перед ним на колени. Нисан опёрся рукой об пол, потом, не в силах сидеть, медленно завалился на спину. «Действовать, быстро!» — Алиса подобрала окровавленный нож и одним движением сверху вниз распорол мокрую и липкую брючину. Снова этот запах железа и меди, запах боли. Знакомый жар уже завладел её пальцами и быстро распространился на ладони, затем пошёл выше запястьев. Значит, времени совсем мало... Алиса положила правую ладонь на рану и сильно прижала её, краешком сознания отметив, какая горячая у Нисана кровь, горячее, чем её руки, а левую ладонь поместила под его бедро, расслабив её и ловя неясный поток чего-то, что она про себя называла «ускользающей гармонией». Нисан не издал ни звука; похоже, он был без сознания.

Алиса закрыла глаза и сосредоточилась. В голове нарастал знакомый тихий гул, а руки творили свою невидимую работу, пока Алиса считала удары своего сердца. Один, два, три... Сто двадцать, сто двадцать один... Четыреста двадцать...

Когда жар в руках немного поутих, оставив ощутимую щемотку в пальцах, она открыла глаза. В корке засохшей крови, слегка выдаваясь над ней, розовел свежий и плотный шрам, бедро снова было тёплым, а с лица находящегося без сознания Нисана уходила страшная своей синевой бледность. Губы тоже порозовели, и дыхание стало ровным. Теперь он проспит не меньше суток...

Алиса встала, с трудом отодрав колени от застывшей коркой крови, в которой она сидела, и прислушалась — за ширмой было тихо. Теперь надо всё вымыть, отмыть от крови полы и самого Нисана, и как-то перетащить его на диван. Хорошо, что Зои спит, Алиса быстро со всем управится, а потом подумает, что делать дальше.

«Вот так тюльпаны», — сливая уже четвёртый таз розовой воды, думала Алиса. Земля с ней говорит, подсказывает и предупреждает. Никуда они с Зои не уедут, здесь их дом. А Нисан... Отмывая от крови его бесчувственное тело, Алиса скользила руками по его коже, по плотным мышцам, оттирала его руки, рассматривая широкие ладони с длинными крепкими пальцами. Он был весь такой тёплый, такой родной, такой близкий в своём безумном порыве. Нельзя дать ему снова заморочить ей голову. Пусть лучше он сам остаётся здесь, с ними.

Алиса проснулась как от толчка. Что это? Она прислушалась — тихо. Непривычно тихо. И так внезапно страшно. Зои почему-то нет с ней. Она рванулась с кровати, не отбросив толком одеяло. Потом, справившись наконец с ним, вскочила. Запутавшись в простыне, упала на одно колено, кусая губы, выпростала ногу, и, обмирая, не веря этой давяще тишине, побежала вниз к кровати Зои.

Дверь во двор была распахнута, за ширмой никого, а Нисан сидел на диване с отсутствующим видом, держа что-то в руке.

— Где Зои? — Алиса пробежалась по дому, заглянула в купальню, снова выскочила в кухню, где Нисан даже не шелохнулся.

— Нисан, где Зои? — она, пытаясь успокоиться, подошла осторожно к нему. Он вяло махнул рукой куда-то в сторону двери, а Алиса увидела, что в руке он держит, даже не пытаясь спрятать, пустой шприц.

Алиса выскочила за дверь, бегом обогнула дом, не чувствуя босыми ногами камней, и увидела свою Зои, мирно сидящую на шезлонге перед калиткой и смотрящую в небо. Она выдохнула, вытерла дрожащие руки о ночнушку и медленно пошла к ней. Зои обернулась, услышав её, и снова уставилась в небо. Алиса присела перед шезлонгом на кор-

точки, морщась и чувствуя каждый мелкий камешек под ногами, быстро осмотрела дочь, обняла её и поцеловала в макушку. «Снова звёздочки рассматриваешь, солнышко? И как ты их видишь днём...» — Алиса старалась говорить беззаботно, но перед глазами стоял Нисан с бессмысленными глазами и шприцем в руке.

«Ну ладно, посиди ещё, маленькая моя, а потом пойдём на ферму завтракать, хорошо?» — она снова прижала к себе Зою, которая смешно сложила губки, как бы целуя Алису в ответ, а затем снова подняв свои глазки к небу.

Надо было разобраться с Нисаном. Но как? Если он сейчас под «лаки», все сказанные ему слова будут как жужжание мухи. Что же делать? Она одна с ним не справится.

Алиса вошла в дом, отряхнула ступни и, стараясь не глядеть на Нисана, всё также сидящего неподвижно в углу на диване, стала быстро обуваться. Потом накинула плащ. Нужно ещё собрать Зою.

Алиса снова вышла во внутренний дворик, подхватила дочь на руки и понесла в дом одеваться. Стараясь закрывать её своей спиной от всё также сидящего истуканом на диване Нисана, она торопливо поднялась по лестнице в спальню, подобрала валяющееся на полу одеяло, закрыла балконные двери и ловко переодела Зою в комбинезон и её любимые башмачки с кисточками-вишенками. Зоя только молча вертела головкой, засунув пальчик в рот. Потом проворно, но осторожно, Алиса спустилась с Зою вниз.

Так, ещё сумка, где же она? Зои задрогала ножками и потянула вниз, требуя самостоятельности. Алиса опустила её на пол, и Зои деловито потопала к открытой двери. Хорошо, путь пока побудет во дворе. Алиса всё это время старалась не смотреть на неподвижную мрачную фигуру в дальнем углу кухни, но, чтобы попасть в купальню, нужно было пройти около дивана, и она быстро взглянула в его сторону. И наткнулась на тяжёлый и вполне осмысленный взгляд. Нисан наблюдал, как они с Зои собираются уходить.

— Куда это ты собралась? — внезапно спросил он. Алиса молча прошла было мимо, но тут он цепко ухватил её за руку. Она попыталась её выдернуть, но он сжал пальцы с такой силой, что Алиса охнула. Он встал и навис над ней, не отпуская своей хватки.

— Куда ты собралась? — спросил он спокойным голосом.

— Мы с Зои уходим, — сквозь зубы ответила Алиса, стараясь сдержать рвущийся наружу гнев.

— Почему?

— Почему?! — она с силой дёрнула руку, и он наконец выпустил её. Потирая запястье, она кивнула на выпавший из его рук шприц, лежащий теперь на полу отвратительной уликой, потом отшвырнула его ногой, словно мерзкую змею.

— Ты принёс в наш дом эту дрянь! Что ты творишь, Нисан?!

Нисан тяжело глянул на неё.

— Не получилось у тебя, Алиса.

— Что?

— Я думал, ты сможешь спасти меня. Но ты не можешь.

— Так ты за этим приехал? Я спасла твою жизнь, глупец! Ты истекал кровью в моём доме, ещё минута, и ты был бы мёртв! — она почти кричала. Рухнувшая окончательно картинка их совместного счастливого будущего саднила душу своей невозможностью, а его очередной обман, словно резкий непереносимый запах, отталкивал Алису от этого человека, и гнев поднимался изнутри тугой волной.

— А она молчала. Стояла, смотрела и молчала, — вдруг скрипуче произнёс Нисан и хихикнул, и это было так жутко и не похоже на его обычный голос, что Алиса мгновенно покрылась холодным потом. Это был не её Нисан, а какой-то демон, завладевший его телом и пытающийся говорить его голосом.

— Мерзкая девчонка. Хотела мне помешать. Но я ей объяснил, кто в доме хозяин, — и демон внутри него снова захихикал.

Едва сдержавшись, чтобы не ударить его, Алиса, забыв про сумку в купальне, пошла быстро к двери. Но Нисан, проворно перескочив диван, догнал её и снова схватил за руку.

— Стоять! — взревел он. — Ты моя. Никуда ты не уйдёшь, — он дёрнул её со всей силы, сопротивляющуюся и рвущуюся к двери. Упав на колени, в ужасе от того, что исходило от когда-то любимого ею человека, Алиса выпустила наконец гнев наружу. Вскочив, словно разъярённая кошка,

она набросилась на Нисана с кулаками.

— Убирайся! Убирайся прочь из моего дома! Вон отсюда!
И подохни уже наконец от своей наркоты!

Алиса кричала и не могла остановиться, пока Нисан не отшвырнул её мощным ударом, и пошёл на неё, снова упавшую, глядя остановившимися налитыми кровью глазами.

В пылу борьбы оба не заметили Зои, которая вдруг оказалась между ними и обхватила Нисана за ногу, словно пытаясь удержать. Алиса вытянула в мольбе руку и попыталась броситься к Зои, но Нисан, не видя и не слыша ничего, яростно пнул ногой что-то мешающее внизу, даже не заметив, и, дотянувшись до Алисы, схватил её за горло.

«Зои! Зои...» — хрипела Алиса, в ужасе выворачивая голову и глаза в ту сторону, куда отлетело маленькое тельце, царапая и пиная это чудовище, в которое превратился спасённый ею Нисан. Уже теряя силы и сознание, Алиса с усилием сконцентрировала свой уплывающий взгляд на безумных глазах Нисана и послала уже только мысленно самый отчаянный крик, на который была способна в этот момент. И потеряла сознание.

В темноте плавали какие-то красные и оранжевые кольца, хаотично кружась и вызывая тошноту. Алиса вглядывалась в эти размытые круги некоторое время, потом вместе с возвращающимся сознанием мелькнула какая-то смутная мысль. И, схватившись за горло руками, надсадно и хрипло закашлявшись, Алиса резко села. Зои. Почему так тихо вокруг и внутри Алисы? Где север её компаса?

Стены её дома плясали словно пьяные, укладывая её обратно на пол. Зои. Алиса, мотая головой, встала на коленки, упираясь дрожащими и подламывающими руками, потом, опираясь о стену, встала на ноги. Борясь с тошнотой, она шагнула к камину. Зои. Ноги подломились, и Алиса снова свалилась на пол, потом, не понимая, что с ней, снова поползла к камину, где виднелось тело её девочки. Ей нужна Алиса, Алиса ей поможет, Алиса её вылечит. Мыча от бессилия, не чувствуя ног, Алиса наконец добралась до лежащей ничком Зои. Села около неё и подняла дочь к себе на колени, склонившись над ней всем телом. Почему она такая холодная? Зои словно спала, таким тихим и спокойным было её личико. Алиса убрала с её лица тугие завитки тёмных волос, и здесь ладонь, на которой покоилась головка Зои, наткнулась на какой-то полусохший колтун на затылке, чуть ближе к уху. Отказываясь верить, Алиса всмотрелась в свои

пальцы. Сейчас, Зои, мама всё исправит. Мама тебя вылечит, маленькая моя. Алиса, держа головку Зои в ладонях, не отрываясь, смотрела на неё и молча звала, звала, звала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.